

Михаил Баженов

БЕЗ ЗАНЕСЕНИЯ В ЛИЧНОЕ ДЕЛО

«Жизнь даётся. И прожить её нужно»

(адаптированный Н. Островский)

*«Ну надо-ж так – кругом пятьсот,
и кто кого переживёт,
тот и докажет, кто был прав, когда припрут»*

(В. Высоцкий)

С трудом разлепив веки, я не сразу понял, где нахожусь. Снилось что-то очень яркое, цветастое и вплоть до тончайших оттенков ароматов похожее на реальность. Впрочем, такие сны с полным выпадением из действительности, стали для меня обычными в этой проклятущей Монголии, на которую у Бога не хватило ни красок, ни запахов, если, конечно, не считать опостылевшей вони бараньего жира и солдатских портянок.

В окне трясущегося грузовика нудно плыл всё тот же однообразный жёлтовато-серый пейзаж. За два с половиной года службы в гобийской пустыне я уже настолько отвык от зелёного цвета, что в отпуске спяну порой невольно шарахался от деревьев, колышущиеся ветки которых чудились мне косматыми лапами живых существ.

Я потряс головой и покосился на водителя. Солдат всё так же напряжённо вглядывался в ровный горизонт, время от времени деловито подкручивая то вправо, то влево руль пылящей по бездорожью машины. «Интересно, знает он, куда едет, или прикидывается?» – с подозрением подумал я, доставая из планшета карту.

Привязываться к местности требовалось как можно чаще. В нескольких километрах от нас лежала граница, и отклонившись даже ненамного от верного направления, можно было запросто оказаться в Китае со всеми вытекающими печальными последствиями. Такие случаи уже бывали, и тот, кто ненароком попадал в гости к «братьям навек», там навек и оставался. По крайней мере, ни о ком из пропавших никаких вестей больше не поступало, и я был далёк от мысли, что даже знание языка смогло бы выручить меня в такой ситуации.

- Тормозни! – недовольно буркнул я солдату. – Разогнался, как на ралли Дакар-Париж. Мы никуда не торопимся, до Парижа ещё далеко. Главное – с пути не сбиться.

- Так я-ж по этой дороге уж разов с двадцать туды-суды гонял! – оправдываясь, горячо забормотал водитель, нелепо взмахивая одной рукой. – Вон на ту сопочку поднимемся, а с неё видать речку сухую, а там повздоль её...

- И где-ж ты тут видишь сопочку, Деревягин? Всё плоское как стол, – для порядка проворчал я, в душе признавая, что водитель, конечно, куда лучше меня разбирается в маршруте. – Ты вот мне на карте покажи, где мы сейчас?

Солдат смущённо покосился на развёрстый передо мною лист и шмыгнул носом: - Не, товарищ старший лейтенант, мы не шибко учёные. По картам не могём.

- То-то, не могём! – назидательно передразнил его я, разглаживая похрустывающие складки плотной бумаги и пытаюсь определить хотя бы приблизительно, в какой точке этой практически белой страницы с небрежно набросанным пунктиром якобы существующего рельефа, пыхтит сейчас наш ЗиЛ-157.

Единственной чёткой линией, тянущейся наискосок карты, была жирно прочерченная граница с Китаем, которой на реальной местности тоже не существовало, по крайней мере в виде легендарной контрольно-следовой полосы, воспеваемой передачей «Служу Советскому Союзу» – тщательно распаханной от горизонта до горизонта и отороченной грозными рядами колючей проволоки.

Здесь граница являла собой лишь редко разбросанные сарайчики застав, на которых по-семейному, пася скот, коротали службу монгольские пограничники. Где-то раз в две-три недели цирики¹ усаживались вдвоём на одного верблюда и неспешно плыли в гости к соседней заставе километров за сто, попить кумыса и потолковать за жизнь. Это называлось патрулированием государственной границы.

По неопытности я однажды едва не попал в нешуточный переплёт, понадеявшись на бдительность монгольских стражей. Во время учений наш взвод, где я оказался единственным офицером, совершая обходной манёвр отклонился от маршрута и я, раздражённый беспомощностью водителей и непригодностью компаса, стрелка которого рыскала во всех возможных направлениях, сбитая с толку бесчисленными монгольскими аномалиями, принял «командирское решение» дожидаться темноты и идти по звёздам строго на юг, рассчитывая в конце концов упереться в границу и таким образом определить своё местоположение на карте.

Однако около полуночи наш БТР влетел в небольшой солончак², и у него с залповым грохотом лопнули сразу два колеса, что со страху

---

¹ Цирик – солдат (монг.)

² Участок засоленной почвы в пустыне, который выглядит обманчиво ровным, но содержит под твёрдой поверхностью пустоты, порой до нескольких метров глубиной.

показалось мне взрывом боекомплекта. Пока вытаскивали БТР и чинили колёса, я, одумавшись, осознал, что идти ночью по такой местности действительно опасно. Не отвечая на лихорадочные вызовы штабной радиации, благо ссылка на отсутствие связи была самым верным способом избежать разноса и необходимости выполнять бредовые вводные уже крепко поддавшего комбата, я устало велел бойцам устраиваться на ночлег.

Только утром я понял, как нам повезло с солончаком. Высунувшись на рассвете из КУНГа³ командирской машины, я, словно в продолжение кошмарного сна, увидел метрах в пятидесяти от себя густую цепь залегших автоматчиков, а прямо напротив машины ещё несколько человек в камуфляжной китайской форме, деловито расчехляющих крупнокалиберный станковый пулемёт.

Крадучись будто напакостивший кот, я пинками разбудил солдат, от страха сделавшихся невероятно резвыми и толковыми, и мы под прикрытием угрожающе взревевшего БТРа медленно пятимся назад по своим же следам, пока вдруг не заметили позади себя радостно нам машущих монгольских братьев по оружию.

- А мы вчера видели, как ваша колонна мимо нас проехала! – торжественно объявил мне совсем не запыхавшийся начальник заставы.

- Так почему же вы нас не остановили?! – опешил я.

Приветливая улыбка и не думала сходить с коричневого лица монгольского лейтенанта: – Ну, мы, однако, сообразили, раз вы туда поехали, значит так надо...

- А где граница тут у вас? Полоса? Как вы определяете, где земля ваша, а где китайская? – всё ещё не веря этому нонсенсу, продолжал допытываться я.

- Полоса? – недоумённо переспросил монгол. – Не-е-е... Полосы у нас нету! Мы по камням всё видим.

С тех пор пришлось переосмыслить выражение «граница на замке», и потому я старался держаться от неё как можно дальше. К тому же оставалось неизвестным, по каким камням определяют «свою» территорию сами китайцы.

Однако на этот раз путь наш лежал строго вдоль пограничной линии на северо-восток, в направлении негусто населённого пункта Барун-Урт, за которым располагался второй отдельный пеленгаторный взвод разведывательного батальона ОШАЗ. «Отдельный взвод» представлял собой заржавленную машину пеленгатора на высоте, обросшей словно неопрятной щетиной иглами антенн, да врытую в подножье сопки прокопчённую землянку, где обитали три бойца, возглавляемые старшим лейтенантом Алексеем Орлюком, по слухам бросившим пить в преддверии обещанной ему комбатом замены.

К счастью, сейчас меня послали туда не для того, чтобы сменить Лёшку на боевом посту. Задача, которую поставил мне замполит батальона

---

³ КУНГ – кузов универсальный нормальных (а может ненормальных?) габаритов

была до смешного примитивной. За сиденьем ЗиЛа погромыхивала кумачово-красная урна для голосования, а в планшете лежали четыре избирательных бюллетеня для выборов народного депутата СССР, которые офицеру Орлюку и его трём бойцам под моим наблюдением предстояло собственноручно опустить в опечатанную сургучом урну.

Нелепость задания усугублялась ещё и тем, что в бюллетенях стояло одно единственное имя – Генерального Секретаря ЦК КПСС К.У.Черненко⁴, что по канонам логики входило в противоречие с самим понятием «выборы», однако мне совершенно не хотелось вступать с замполитом в семантические дискуссии, поэтому я изо всех сил пытался изобразить воодушевлённый вид, с нетерпением ожидая окончания занудного инструктажа.

- Это чрезвычайно отвесссвенная и почётная миссия, – назидательно внушал мне майор Кацапенко, питавший одинаково неистребимую страсть к водке и витиеватым выражениям. – Вам оказана высокая честь обеспечить возможность выражения свободного волеизъявления избирателей – избрать Леонида... э-эта... Константина Устиныча Черненко, выразившегося... выравзисшего согласиися э-э-баллотроваться по Кишинёвскому избирательному округу...

Я подчёркнуто серьёзно кивал, едва сдерживая радость и пытаюсь не морщиться ни от привычно окутывающего замполита алкогольного перегара, ни от отсутствия всякой логической связи между Кишинёвским избирательным округом и захолустным Барун-Уртским пеленгатором, ни от очевидного абсурда, будто мнение четырёх уже практически утративших человеческий облик «избирателей», полгода прозябающих среди каменной пустыни, могут хоть как-то повлиять на судьбу Константина Устиновича и возглавляемой им державы с гордым именем СССР.

Мне просто было в кайф, только что сменившись с дежурства по командному пункту, прокатиться, лениво подрёмывая, в тёплой кабине специально выделенного для «ответственной миссии» лучшего грузовика из автопарка, приобнять Лёшку Орлюка, которого я уже месяца четыре лишь невнятно слышал по радио, потом, сразу же, пока не остыл движок, сгонять с ним на охоту за козами, а уж затем, пока жарится парная козья печёнка, накатить под завязавшуюся беседу «за жизнь» любовно припасённой самогонки.

Я огладил приятно холодивший правую икроножную мышцу округлый бок 3-литрового «галлона» отборной «самги», чем-то напомнивший мне её автора – жену гвардейского прапорщика Прыщука. Воспоминания об умелых руках прапорщической жены вызвали неконтролируемую цепную реакцию притока крови к душе и другим жизненно важным органам, и я снова блаженно вздремнул, даже поленившись свернуть карту, а просто сунул её сбоку от сиденья. Да и действительно, зачем только мешать опытному водителю своими

---

⁴ Константин Устинович Черненко (1911—1985) — генеральный секретарь ЦК КПСС, глава Советского государства с февраля 1984. Ничем и никому не запомнившись, благополучно скончался в марте 1985 г.

придирками? Главное – засветло добраться до Барун-Урта, а там уж и до точки рукой подать...

По неведомой прихоти Морфея на этот раз мне приснилась другая пустыня – Ливийская, по имени Сахара, причём почему-то в радужно-счастливых тонах, хотя ничего особо приятного там со мной не происходило, и более того – именно оттуда и началась моя дорога в Монголию...

В то, что меня распределили не просто в Монголию, а в самую южную точку высокогорной пустыни Гоби, я до конца не мог поверить даже после выдачи на руки предписания «в распоряжение Забайкальского Военного округа»⁵. Меня, молодого коммуниста, только что с чувством честно исполненного «интернационального долга» воротившегося из Африки, с отличием сдавшего выпускные экзамены в ВИИЯ⁶, получившего по этому случаю красный диплом и золочёные лейтенантские погоны – чтобы убыть в такую дыру!

Это казалось настолько нелогичным, негосударственным подходом к использованию таких ценных кадров, к каковым тогда причислял себя я, даже не предполагая, до какой степени наплевать на высокопарные принципы и здравый смысл было той циничной машине, которая втихомолку распоряжалась нашими юными судьбами.

Сказать по правде, мне и коммунистом-то пришлось стать во многом из-за той неожиданной африканской командировки. Нашу «китайскую» группу как-то миновала обычная судьба курсантов Военного Института, постоянно выдёргиваемых на полёты бортпереводчиками⁷ по странам третьего мира, и мы, без потерь пережившие три года казармы, солидно перебрались в Институтскую общагу, с сарказмом прозванную «Хилтоном» предшествующими поколениями, продолжая основательно грызть яшму китайской грамоты, каждый втайне надеясь кто на свой высокий средний балл, кто на счастливую звезду, а кто и на потайную «волосатую руку» в недрах Главного Управления Кадров.

---

⁵ 39-я Гвардейская армия, расквартированная в Монгольской Народной Республике, входила в состав группировки ЗабВО.

⁶ Военный Институт Иностранных Языков. Находится в Москве.

⁷ Бортпереводчик – «член лётного экипажа со знанием иностранных языков для ведения радиосвязи между экипажем и наземными средствами обеспечения полетов, поскольку по правилам ICAO при полетах по международным трассам радиообмен ведётся на английском языке». Это сухое определение уникального явления, присущего только советским ВВС, владеющим английским "со словарем", хочется оживить словами одного из ветеранов этого процесса: «...по этим маршрутам летели сотни военных Ан-12 и Ан-22 (самых больших в то время самолётов в мире) с замалеванными звездами, но не снятыми пушками, доставлявших срочные военные грузы арабским союзникам СССР. И в каждом таком самолёте сидел русский пацан-курсант, наслух обученный английскому, но почти ничего не понимающий из того, что до него доносилось в наушниках из-за шума двигателя и статических радиопомех, вконец ошалевший от новизны обстановки и страха, булькающий при этом тремя-пятью литрами незнакомо крепкого венгерского пива...» (*Вадим Зима, г. Сиэтл, США*)

Разумеется, мы догадывались, что добрая половина из нас поедет в распоряжение штабов войсковых соединений и частей Дальнего Востока и Средней Азии, столь густо усеявших линию длинной и недружелюбной советско-китайской границы, но юношеская самоуверенность беспрекословно зачисляла себя в другую половину, востребованную магическими аббревиатурами ГРУ⁸, ГИУ ГКЭС⁹, ну или на худой конец КГБ...

Однако активная внешняя политика Советского Союза внесла решительные коррективы в нашу застоявшуюся было жизнь китаистов 4-го курса. После одного из утренних построений на 9-м этаже учебного корпуса нас срочно отправили не на поднадоевшие занятия, а в отдел кадров, где мы по несколько раз переписали длиннющие нудные анкеты, а оттуда – напрямик на Старую площадь для собеседования с одним из секретарей ЦК КПСС.

Секретарь где-то задерживался, и после томительного 2-часового молчаливого ожидания в его аскетичной приёмной нам торжественно разрешили пройти в ведомственную столовую пообедать. Признаться, шагая по строгим ковровым дорожкам ЦК-овских коридоров, я нервно тербил в кармане оставшийся от недавнего родительского перевода одинокий рубль и прикидывал, хватит ли его, чтобы с достоинством попить чайку, делая вид будто я не голоден.

Действительность едальни ЦК зародила серьёзное сомнение в научности политэкономии социализма. Помню, какой бесконтрольно-истерический смех вызвало у нас чтение скромно отпечатанного на машинке столового меню: блин по-русски с красной икрой – 5 коп., блин по-русски с чёрной икрой – 15 коп., заливное из осетрины копчёной – 10 коп., клубника свежая со взбитыми сливками – 12 коп... Вокруг нас, бросая неодобрительные взгляды, расхаживали с демократичными подносами упитанные государственные мужи, которым цены в меню смешными не казались.

Загадка срочного вызова в ЦК разъяснилась в кабинете наконец-то вернувшегося озабоченного секретаря: в свете резко обострившейся конфронтации Ливийской Джамахирии с США, Советский Союз продал полковнику Каддафи гору самого современного оружия, и посему нам предстояло срочно научить арабов им пользоваться. Знает ли секретарь, что мы переводчики китайского, а не арабского языка, поинтересоваться никто не осмелился. За границу хотелось всем, ну а объясниться с арабами можно было и по-английски.

- Задача ответственная. Непростая. И возможно опасная, – поочерёдно обводя наши пацанские лица недоверчивым взглядом, угрюмо вещал секретарь. – Поэтому партийные билеты всем сдать в орготдел, на

---

⁸ Главное Разведывательное Управление (Второе Управление) Генштаба ВС СССР – центральный орган управления военной разведкой, занимающийся всеми видами разведывательной деятельности в интересах Вооружённых Сил – агентурной, космической, радиоэлектронной.

⁹ Главное Инженерное Управление Государственного Комитета Экономических Связей – завуалированное название военной организации, занимавшейся в советские времена экспортом вооружений.

втором этаже. Партвзносы будут отчисляться автоматически, в ливийских динарах, с ваших зарплат...

Я робко кашлянул: – Извините, а комсомольский билет тоже в орготдел сдавать?

Секретарь вперился в меня ставшим неожиданно огненным взором: – А вы тут что, беспартийный, товарищ курсант?! Ведь я же сказал: к заданию привлечь только самых преданных членов партии...

Начальник курса майор Гулькин резво вскочил, зачем-то надел фуражку и отдал честь: – Виноват, товарищ секретарь ЦК. Из них только восемь человек – члены партии. Остальные десять – комсомольцы. Но на самом хорошем счету! Курсант Баженов, например, отличник боевой и политической подготовки, спортсмен-перворазрядник, редактор стенгазеты и боевого листка...

Испепеляющий взгляд партийного бонзы переместился с меня на начальника курса, за что я впервые в жизни испытал к тому благодарность: – Да у меня же инструкция! Резолюция ЦК КПСС: к заданию привлечь только коммунистов! Раз он у вас такой хороший – почему до сих пор в комсомольцах ходит? А?! Короче, товарищ Гулькин, у нас ещё три дня сроку: пока будут оформляться дела – принять всех достойных беспартийных в партию!

«Ну, значит судьба», – садясь со смешанным чувством обречённости и облегчения, подумал я. Уже года полтора под различными предложениями я вежливо отклонял всё более настойчивые предложения стать членом, прекрасно осознавая, что до выпуска всё равно не отвертеться, и тем не менее по непонятным самому себе соображениям целомудрия всячески отодвигая это событие.

«... За? Против? Воздержавшиеся? Единогласно. Товарищ Баженов, поздравляем вас с вступлением в ряды КПСС!»

...Пустынный Магриб¹⁰ бесцеремонно взъерошил наши короткие курсантские причёски нежданно свежим средиземноморским ветром, перемешанным с ароматами буртукалей¹¹, густым дурманом крепчайшего кофе и терпким благоуханием выданного каждому на спецскладе Генерального Штаба югославского одеколona «Атташе».

Котёл арабского мира, куда нас швырнули с головой, кипел страстями и событиями, мало совместимыми с устоявшимися представлениями о рациональности мирового устройства и элементарном здравом смысле.

Дела назревали нешуточные. Провозгласивший себя «мессией арабского мира и продолжателем дела пророков Мухаммеда, Иисуса и Моисея» полковник Каддафи чуть ли не ежедневно грозился объявить Америке «тотальную войну» и обещал заодно стереть с лица земли «лже-государство Израиль».

---

¹⁰ Аль-Магриб – запад (арабск.). Название, данное средневековыми арабскими географами странам, расположенным в Северной Африке к западу от Египта.

¹¹ Буртукаль – апельсин (арабск.) Искажённое «португал», португальский продукт, поскольку первые цитрусовые доставлялись арабам из португальских колоний.

Как результат этих недетских амбиций на горизонте залива Сидра мрачно маячили авианосцы 6-го флота США, а небо с прерывистым шорохом чертили то американские палубные истребители, то МИГи с зелёной арабской вязью на бортах. Молодые ливийские лётчики, ускоренно натасканные в учебных центрах Краснодара и Иваново, истово рвались в бой. Невольно заражаясь их воинственным духом, в бой рвались и мы.

Всё происходящее вокруг казалось первое время невероятно интересным и важным, создавая головокружительное ощущение причастности к мировой истории и погружения в реалии неведомой культуры.

В Ливии были наглухо запрещены все виды развлечений, за исключением кино, представленного по сути единственным фильмом «Омар Мухтар – лев пустыни», снятого за ливийские нефтедоллары беспринципным Голливудом про национального героя войны с итальянскими оккупантами, добротнo сыгранного Энтони Квином.

Несколько других кинокартин, время от времени разрешаемых к показу в ливийских кинозалах, где было возможно находиться лишь на самом дорогом верхнем балконе амфитеатра, дабы не стать оплёванным и забросанным окурками кубинских сигар (сигареты в ту пору стали в Ливии страшным дефицитом из-за введённого Америкой торгового эмбарго), являли собой совсем уж низкопробные голливудские боевики.

Их содержание было практически невозможно уловить ещё и потому, что оттуда нещадно вырезались любые сцены, едва мужчины приближались к женщинам на расстояние вытянутой руки, ну а к полуобнажённым красоткам на рекламных плакатах чёрными маркерами были тщательно пририсованы длинные штаны и до подбородков вздёрнутые водолазки.

Ливийские женщины, считавшиеся одними из самых освобождённых на мусульманском Востоке, дружно вскакивали со своих мест в автобусе, когда в него входил мужчина, и не смели сесть покуда не усаживался он. (Справедливости ради следует отметить, что на третьесортных иностранцев типа нас, этот порядок не распространялся)

Чадр дамы не носили, хотя большинству они пришлись бы весьма к лицу, ибо щёки, лбы и носы многих замужних тёток были густо испещрены татуированными знаками кланов и семейств, собственностью которых женщина становилась после свадьбы. Наиболее ценными невестами, за которых давали самый большой калым, считались девочки из кочевых бедуинских племён, не знавшие никакой грамоты. Редкие девушки, умудрившиеся получить школьное, а тем более высшее образование, автоматически переходили в разряд невест низшей категории.

Во многих семьях бытовал обычай клиторэктомии дев, поскольку для женщины считалось совершенно излишним испытывать удовольствие от полового акта и заодно сводило на нет соблазнительность супружеских измен.

Характерной для ливийских рынков картиной являлось семейное шествие, возглавляемое гордо поигрывающим ключами от автомобиля

хозяином гарема, за которым семенила вереница закутанных тёток с огромными мешками на плечах.

Вызов ко Второму секретарю посольства СССР в Ливии, сильно изменивший мою дальнейшую судьбу, пришёлся в аккурат на праздник Ураз Байрам.

Честно сказать, наступления этого праздника я ждал как никакого другого до этого в своей жизни. Этот день знаменовал окончание месячного поста священного Рамадана, во время которого мусульманам запрещено принимать пищу и питьё от восхода до захода солнца. Этот выдавшийся необычайно жарким даже для Ливии месяц, когда температура уже с утра легко перепрыгивала за 50 в тени, а на солнце турка с кофе закипала в песке за считанные секунды, тянулся необыкновенно долго.

Нам, как поганым неверным, разумеется никто не запрещал пить и есть в любое время суток, однако глядя на осунувшиеся лица арабов, представлялось по меньшей мере нетактичным извлечь при них из рюкзака бутерброд или бутылку с тёплым «Севен-Ап».

Ночь не приносила возжеленного избавления от жары. В сгустившейся темноте, казалось, было лишь труднее дышать. Полуденным солнечным зноем оставалось пропитано всё вокруг: обжигающие стены, кипяточная вода из крана, горячие подушки. Очень кратковременного облегчения можно было достичь, лишь обернувшись в мокрую простыню и постояв в ней пару минут перед включенным на полную мощность вентилятором, но такой способ таил в себе кошмарную возможность незаметно подхватить крупозное воспаление лёгких.

Однако жара и злющие от поста арабы были бы ещё полбеды. Главным источником всё нарастающего предпраздничного раздражения являлись бараны. Проблема заключалась в том, что в первый день разговения после уразы полагалось повсеместно резать ягнят и устраивать обильные пиршества. Ради этого события тысячи агнцев откармливались и холились на всех балконах и крышах разноэтажных кварталов Триполи.

Предчувствуя свой близящийся конец, эти твари вопили в унисон ночи напролёт со всё нарастающей интенсивностью, так что забыться в атмосфере адской жары, вони бараньих испражнений и многоголосого предсмертного ора было совершенно нереально.

Вот почему я подобно самому правоверному магометанину каждую ночь с фанатизмом вглядывался в светящееся чужими созвездиями небо, тщась отыскать там признаки рождения молодого месяца, означающего завершение Рамадана...

И вот этот благословенный день (вернее ночь) Аллах наконец послал на измученную Землю. Вдохновенные завывания муэдзина на ближайшем минарете, изрядно доставшие за предыдущие месяцы, показались мне просто вершиной вокального изящества, от которой на глаза произвольно навернулись слёзы безотчётного счастья.

Утром я шагал по триполитанским улицам, заполненным возбуждённо гортанящими арабами в перепачканных алыми пятнами белых одеждах, длиннющими ножами деловито рассекающими на куски

сваленные в кучи безмолвные лохматые туши. Мстительно переступая через тёплые ручьи дымящейся, резко пахнущей бараньей крови, я держал свой путь в направлении советского посольства, пытаюсь предугадать, зачем я мог понадобиться самому Второму секретарю.

В свои тогдашние 20 лет я уже не был девственно наивен, но достаточно компетентно просвещён, что должности секретарей в посольствах моей Родины за рубежом обычно являлись прикрытием резидентов советской разведки, однако тем охотнее романтическое воображение под учащённый стук сердца рисовало важное правительственное задание, которое мне сейчас будет поручено. Я очень хотел тогда быть Штирлицем, ну чего скрывать?...

«Второй» удостоил меня лишь вялым рукопожатием и буквально протолкнул сквозь кабинет во внутренний дворик, где одиноко прогуливался крепкий молодой человек с профессионально доброй улыбкой на умном лице.

Он радостно шагнул мне навстречу и пытливо заглянул в глаза, одновременно плотно стискивая ладонь: – Капитан КГБ Одинцов. О-очень много хорошего о вас наслышан. Давно, давно хотел с вами побеседовать!..

Продолжая говорить какие-то приятные слова, демонстрирующие его невероятную осведомлённость о моей короткой жизни, что сразу почему-то вызвало восторженный рефлекс неуёмного самопожертвования, он подвёл меня к небольшому фонтану и усадил на скамейку в призывной тени густого фисташкового дерева.

- Здесь нам никто не помешает, – тонко усмехнулся он, бровью указывая на журчащую воду, шум которой по идее должен был заглушить наш разговор от настырно прослушивающих всё подряд врагов, и невольно так же тонко усмехнулся отчего-то и я.

Он ещё раз оценивающе посмотрел на меня, будто окончательно взвешивая, можно ли доверить мне важную тайну, но меня этот взгляд невероятно оскорбил – ведь мы уже вроде как бы практически стали близкими друзьями! Подметив эту перемену в моём состоянии, он тут же перераспределил давление: – Нет-нет, я уже вижу, что нам просто невероятно повезло с вами. Я даже поверить не мог, когда читал ваше личное дело! Вы именно тот, кто нам сейчас так необходим.

Из дальнейшего разговора я с некоторым разочарованием выяснил, что объектом их интереса является всего-навсего какой-то китаец из Тайваня, специалист по авиационной радиоэлектронике, работающий по контракту на той же авиабазе «Мэйтиго», что и я.

- У нас есть все основания полагать, – веско хмурясь, тихо внушал Одинцов, – что господин Ван является не тем, за кого себя выдаёт, а ни больше, ни меньше – резидентом одной из враждебных Советскому Союзу разведслужб...

- И... и что я должен сделать? – проблеял я, живо представляя как мне тут же выдадут пистолет с глушителем и ордер на арест, а то и ликвидацию этого самого господина Вана.

- Да ничего! Сейчас – совсем ничего, – опять стремительно потеплев душой, легко успокоил меня капитан. – Мы всё устроим сами. Важно, чтобы

знакомство произошло естественно, чтобы он ничего не заподозрил. А для этого нам надо разработать вашу легенду: кто вы такой, откуда появились в этой Ливии, и почему господин Ван должен непременно проявить к вам интерес. Заметьте, не вы к нему – а он к вам!

Я доверчиво кивнул.

В последующие несколько часов я подвергся такому интенсивному воздействию на собственную подкорку, что к вечеру вполне всерьёз идентифицировал себя совсем с другой личностью.

Откуда-то появился в основном молчавший, очень похожий на Мефистофеля брюнет, представившийся майором, который периодически брал за руку и до неприличия проникновенно заглядывал в глаза. Время от времени к процессу подключался и неожиданно воспрянувший и пахивающий дорогим алкоголем Второй секретарь, однако его подчёркнутый энтузиазм и сделанные невпопад замечания казались несколько искусственными.

Вечером я как автомат шагал обратно в гостиницу по уже опустевшим и непривычно тихим улицам, на которых застывшие ручьи бараньей крови выглядели просто извилистыми полосами коричневой краски, и несколько ошалело повторял про себя, что меня зовут по-прежнему Михаилом Баженовым, но только теперь я более не курсант Военного Института, а являюсь студентом 1-го курса Института стран Азии и Африки, приехавшим в Ливию на стажировку по арабскому языку, однако хранящему в душе страсть к языку китайскому.

- Представляете, как это должно его зацепить! – теряя порой самообладание, перекрывал нудное журчание фонтана восторженный Одинцов. – Он тут совсем в другом полушарии, и вдруг кто-то интересуется языком его родины! Вот ты, после пяти лет в Буэнос-Айресе...

Смуглый майор Мефистофель, мудро поводя плечами, многозначительно добавлял своё: – Что самое важное, вы ни в коем случае не должны раскрыть, что знаете китайский. Вы должны показать, что хотите его узнать. Побудительным резонансом мог быть, например, ваш дед, военный лётчик, его рассказы о Китае, китайские ордена за участие в Японской войне 45-го года. На антияпонские мотивы практически все китайцы клюют...

Здесь мне очень захотелось вернуть нечто о посвящённом моему прадеду Андрею Баженову автографе Новикова-Прибоя, случайно найденному в дедовской библиотеке на титульном листе «Цусимы» издания 1907 года, но я благоразумно промолчал. Неисчерпаемое дружелюбие капитана Одинцова наверняка имело свои пределы. Тем более что сам дед этот факт семейной биографии тщательно скрывал. Как, впрочем, и причины, почему он назвал одного сына Адольфом, а другого – Германом, упорно отказываясь изменить имена детей даже под давлением реалий той стальной эпохи...

Само задание показалось оскорбительно простым. Мне предстояло лишь появляться в тех местах, где может оказаться господин Ван, и как бы невзначай демонстрировать свою любовь к иероглифам, простодушно дожидаясь проявления ко мне его интереса.

К моему изумлению, всё сработало именно так, как рассчитали стратеги из советского посольства. Всего через несколько минут рассматривания «Зелёной книги»¹² на китайском языке в единственном книжном магазине Триполи для иностранцев, куда в один из вечеров спешно доставили меня КГБ-исты, я почувствовал, что кто-то стоит у меня за спиной.

- Ни хуй ханьцзы, дуй будуй я?¹³ – послышался над ухом мягко журчащий голос. Вздвогнув, я резко обернулся и увидел перед собой невысокого пожилого китайца, лучащегося добрейшей улыбкой. На миг показалось, что эти узкие мудрые глаза насквозь видят все наши мефистофелевские хитрости, да и многое другое, чего не знаю о себе я сам.

- Ни... Ни хао, - очень естественно запинаясь пробормотал я. – Во ши... сюэшэн. Ни ши чжунго жэнь ма?¹⁴

Характер Вана оказался под стать внешности на редкость радушным. Не знаю уж, что так проняло его в моей придуманной истории, только он тут же, восторженно ахая, потащил меня к себе домой, где наперебой с женой, мышкой-хлопотушкой Мэй Лин, принялся угощать всякими китайскими вкусностями и суетливо раскладывать на столике какие-то журналы и книги, приговаривая, что для учебных целей срочно выпишет из Тайваня специальные издания.

Вскоре я уже чувствовал себя чем-то вроде их сына – не проходило и четверга, чтобы Ван не заезжал за мной после работы на своём стареньком «Пежо», а частенько я проводил у них и весь выходной¹⁵. Было очень похоже, что оба они искренне не чаяли во мне души, а вот мою душу всё сильнее и сильнее скребли кошки, поскольку после каждой встречи мне надлежало писать Одинцову подробные докладные записки.

«...В 8:15 Вану позвонили. Звонок был, по-видимому, международный, т.к. слышимость была очень плохая – Ван постоянно переспрашивал, слышат ли его, и сам многократно просил собеседника повторить. Разговор продолжался 13 минут, вёлся в быстром темпе на китайском языке. Основного содержания уловить не удалось, так как я в тот момент находился на кухне с госпожой Мэй Лин, объяснявшей мне секрет приготовления соевого соуса, чтобы он щипал за язык именно в том месте и в тот момент, когда необходимо подчеркнуть истинный вкус блюда.

---

¹² «Зелёная Книга» - программный теоретический труд лидера ливийской революции Муаммара Каддафи, излагающий основы Третьей всемирной теории – системы взглядов, противопоставляемой им коммунизму Маркса и капитализму Адама Смита. Старательно переведена ливийцами на все языки мира. Редкостная хренотень. Основное достоинство книги – очень скромный объём.

¹³ «Вы понимаете китайские иероглифы, не так ли?» (кит.)

¹⁴ «Здравствуйте. Я – студент. Вы китаец?» (кит.)

¹⁵ Выходной день в Ливии (как и во многих мусульманских странах) – пятница. Название популярной книги братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» там имеет совершенно переносный смысл.

В разговоре Ван часто повторял слово «фэйцзи» (самолёт), а в конце несколько раз сказал «нет проблем».

За ужином Ван обмолвился жене, что звонил какой-то Цзян, был радостно возбуждён, много рассказывал мне о противоречиях личности Чан Кайши¹⁶ и про русскую жену его сына.

После ужина мы занимались чтением китайских журналов, которые Ван специально заказывал для меня на Тайване.

Из дома Вана я вышел в 10 часов 11 минут вечера.»

Я с отвращением наконец поставил точку. Штирлиц долбаный! Больше похоже не на доклад Юстаса Алексу, а на обыкновенную стукаческую телегу. Мама моя родная, как же это я незаметно до такого опустил?!

- Это очень важная информация. Очень... – отрываясь от исписанного мною листа, многозначительно проговорил Одинцов. – Что-ж, спасибо за службу, как говорится. Мы очень довольны вашей работой, будем ходатайствовать о поощрении. Далёкая Родина гордится вами!

За воротами посольства я остро почувствовал себя полным болваном. Чем они довольны? Что важного может быть в упоминании слова «самолёт» человеком, работающим на авиационной базе?! А что если он вообще никакой не резидент, а самый обычный китайский дядька, добрый и интеллигентный, а я тут своими записочками помогаю делать из него шпиона? А если это навредит ему или его замечательной Мэй Лин? А если с ними из-меня что-нибудь случится?...

Бесконечная круговерть этих вопросов в голове становилась всё настойчивей и не давала спать, хотя после казни ненавистных баранов и нескольких суток буйных празднеств с факелами, в Триполи по ночам воцарялась благодатная тишина. Но так паскудно я себя ещё не ощущал ни разу в жизни – порою невыносимо хотелось содрать ногтями с лица эту приклеившуюся мерзко-дружелюбную улыбочку а-ля капитан Одинцов.

«Что же делать? Что же теперь делать?...» - беспомощно повторял я про себя, воспалённо глядя в белеющий над головой потолок, пока вдруг однажды под утро откуда-то из глубины полусонного бреда не возник ответ до того простой и ясный, что я облегчённо во весь голос рассмеялся.

На соседней кровати заворочался сонный Сашка Бутенко, поднял руку, вглядываясь в приобретённые на днях в хануте¹⁷ поблескивающие в темноте часы «Сейко». – Ты чего, охренел? Пол-пятого только! – жалобно пробормотал он, – Мне ещё целый час спать...

---

¹⁶ Чан Кайши – генералиссимус, лидер националистической партии Гоминьдан, руководившей Китаем с 1928 по 1949 год. После поражения в гражданской войне от коммунистов – президент Республики Китай, основанной им на острове Тайвань. Отличался весьма экстравагантным характером.

¹⁷ Ханут – магазин для ливийских офицеров, где дефицитные «колониальные» товары продавались по сниженным ценам. Поэтому для советских хабиров (специалистов) было так важно иметь в друзьях как можно больше ливийцев.

- А вот пошли все в жопу! – жизнерадостно отозвался я и ещё раз засмеялся. – Все дружно, строим – в жопу!!

К бедолаге Бутенычу эта моя установка никак не относилась, и он видимо сразу это осознав, ещё раз любовно оглядел «Сейко» и почти моментально снова захрапел.

Я едва дождался утра, чтобы позвонить по телефону посольства и произнести глупую закодированную фразу: «Это Васильев. Ко мне по ошибке ваша почта попала. Семь конвертов», что означало «имею важное и срочное сообщение. Встреча в 7 вечера в посольстве».

- Понял вас, – дикторским голосом отозвался дежурный. – Передам почтальону, он позаботится.

В половине седьмого я уже переминался у ворот посольского особняка на тихой улочке Кемаль. Почему-то меньше всего мне хотелось присутствия на встрече майора Мефистофеля. Меня страшило, что от его вкрадчивой аргентинской улыбки я с лёгкостью смогу изменить столь болезненно принятое решение.

К счастью, в кабинете оказались лишь Одинцов и Второй секретарь. Капитан с преувеличенным вниманием подвинул мне стул: – Итак, слушаем вас.

- Вы знаете... – неуверенно начал я, старательно подбирая интонацию к уже десятки раз обдуманному словам, не желая обидеть хороших людей, задержавшихся из-за меня после работы на служебном месте. – Я, наверное, не смогу больше этим заниматься...

- Постойте, постойте! – махнул рукой капитан, как будто продолжая давно начатый спор. – Если вы имеете в виду, что для вашей работы недостаточно стимулов, то могу сказать, что Москвой принято решение...

- Нет, я не это имею в виду, – смиренно прервал его я. – Я имею в виду то, что не могу этим заниматься.

Теперь они оба внимательно разглядывали меня. – Вы же понимаете, – мягко заговорил Одинцов, – как важно для Родины то, что вы сейчас делаете. И Родина воздаст за это сторицей.

- Я это понимаю, – понятливо ответил я. – Но заниматься этим не могу.

Инициативу взял в свои руки Второй секретарь. Его бесцветный голос многократно усиливался застывшим взглядом удава:

- А понимаете ли вы, товарищ курсант, что через год вы заканчиваете свой институт, и от вашего решения непосредственно зависит, куда вы попадёте потом?

Я не сумел выдержать этот интенсивный рентгеновский луч и опустил глаза. Меня неоднократно и очень долго мучала загадка их взглядов: ну как возможно научить человеческое существо столь подавляюще взирать на себе подобного? Может быть «туда» берут только тех, у кого такой взор заложен генетически, как проявление редкостной силы характера, не чета моему?

Уже много позже я понял, что просто сквозь зрачки самых обычных индивидов излучает месмерическую мощь стоящая за ними организация. В начале 90-х, взятые по-отдельности, они мгновенно утратили эту

магическую силу, и лишённые власти глазёнки потускнели и растерянно забегали, правда теперь вот снова...

Однако мой голос всё же отыгрался за дрогнувшие глаза, и в нём неожиданно звякнуло, пугнувшее меня самого, некое подобие стали:

- Я – всё – понимаю. Но я НЕ МОГУ этим заниматься!

Знатоки человеческих душ сразу же уловили эту необратимую трансформацию, и в одно мгновение между нами повисла стена отчуждённого молчания. Затем Второй сделал какой-то таинственный знак, как бы отгораживаясь от меня навсегда, и поковылял к своему столу. Улыбка капитана Одинцова сразу сделалась неприятно жёсткой.

- Ну что-ж... Тогда о самом главном, – тихо заговорил он, чем вызвал моё немалое удивление, поскольку мне казалось что самое главное уже позади. – Надеюсь, вы хорошо понимаете, что всё это навсегда должно остаться нашей маленькой тайной. – Он позволил себе усмехнуться. – Вы не знаете никого из нас, и мы никогда не встречались. С Ваном все контакты немедленно прекратить – мы позаботимся, чтобы вас завтра же перевели на другое место службы. А то, чтобы об этом никто, никогда и ничего не узнал – это прежде всего в ваших личных интересах.

Он проводил меня до двери и напоследок ещё раз пронизательно заглянул в глаза: – До свидания. Мы верим в вашу благоразумность.

Второй, не глядя на нас, что-то быстро писал за своим столом. Я вышел. Настроение было не очень... Я отчётливо осознал, что моё будущее теперь изменилось навсегда. И ещё было пронзительно жаль, что никогда больше не увижу доброго дядюшку Вана и его Мэй Лин.

На следующий день меня перевели под Себху, где прямо посреди белых песков Сахары располагалась огромная подземная авиабаза – ангары, ремонтные мастерские, гостиницы, даже офицерский клуб. На поверхности были лишь взлётно-посадочные полосы, да несколько инженерно-диспетчерских сооружений.

Что интересно, там тоже работало человек шесть тайваньцев, но эти держались настороженно и замкнуто. Их не только не прельстило, но даже совершенно не удивило моё знание китайского языка, которое здесь не было необходимости ни от кого скрывать.

Признаться, я был сильно обескуражен – законы логики подсказывали, что любой китаец, встретивший посередине Большого Африканского Пляжа (как мы именовали Сахару) человека, говорящего на его языке, должен по меньшей мере офигеть от изумления.

Местные хабиры¹⁸, давась от смеха, наконец объяснили мне эту загадку: оказывается, до меня на базе побывали едва ли не все ребята из нашей группы, и каждый, разумеется, норовил продемонстрировать свои лингвистические способности. И поскольку практически каждый русский, встреченный этими тайваньцами в своей жизни, свободно изъяснялся по-

---

¹⁸ Хабир – «советник» (арабск.) В результате жлобского поведения советских военных специалистов это нейтральное слово приобрело негативную коннотацию.

китайски, они естественным образом пришли к твёрдому умозаключению, что русский язык попросту является одним из диалектов их великого и могучего гоюя¹⁹...

Одинцова я встретил в Ливии ещё однажды – уже перед отъездом, на каком-то приёме нас представили друг другу, он ужасно обрадовался, как и в первый раз сильно стиснул мою руку и назвался Петровым. Мне захотелось ответить ему «Сидоров», но я сдержал хулиганский порыв.

...Спал я опять крепко, однако приоткрыв глаза, как-то сразу понял, что на этот раз передо мною не Ливийская пустыня, а именно Гоби. Вообще-то, её трудно спутать с каким-либо другим местом на Земле. Скучнейшие каменистые пространства высокогорного плато – место уникальное, но привлекательнее от этого не становящееся.

Впрочем, относительность человеческих суждений о сути красоты ярко раскрылась мне однажды, когда я после совместных с монголами учений прошлой весной трясся в кабине ГАЗа с монгольским капитаном, которого надо было подбросить в соседний аймак²⁰.

Моё удивление от того, что и комбат, и замполит скакали перед этим монголом на цырлах, а потом и вовсе выделили ему не только машину, но и сопровождение в моём лице, разъяснилось уже в пути, когда я разговорился с капитаном, носящим трудновыговариваемое имя Жамьянмядаг.

Тот оказался необычайно продвинутым монголом, отец которого в ранге посла МНР исколесил пол-Европы, а теперь и вовсе сделался депутатом Великого Народного Хурала.²¹ Как о чём-то вполне естественно разумеющемся капитан вскользь упомянул, что через несколько лет он станет министром обороны Монголии.

Впрочем, это наверняка было бы для Монголии отнюдь не худшим вариантом – Жамьянмядаг получил изрядное образование, свободно говорил на нескольких языках, и что самое важное – говорил неглупые и интересные вещи.

Кстати сказать, я к своему стыду, так и не выучил монгольского, хотя первоначально рьяно взялся было за него, надеясь хотя бы этим компенсировать бессмысленность и засасывающее безделье своей ссылки. Раз уж выдалась такая возможность, уговаривал я себя, неплохо заодно приобщиться к неведомой, самобытной древней культуре, однако очень

---

¹⁹ «Гоюй» – (государственный язык, язык страны) – так принято называть китайский на Тайване, в Сингапуре и других местах, населённых этническими китайцами. В КНР его называют «путунхуа» (всеобщая речь), или реже «ханьюй» (язык народности хань, т.е. китайцев)

²⁰ Административно-территориальная единица МНР. По территории – аналог области (краю, штату, государству), по населению – селу, небольшому городу, райцентру.

²¹ Высший законодательный орган (Парламент) Монголии.

скоро с разочарованием обнаружил, что никакой культуры на самом деле там практически не существует.

Практически никто из монголов не знал ни своей письменности, ни истории. Даже в немногочисленных буддийских храмах нерадивые служители, кое-как исполняя перед посетителями заведённые ритуалы, не могли истолковать ни их смысла, ни принципов самой религии. Всё сводилось к покорно-назидательному объяснению: «Так положено».

И в самом Улан-Баторе, куда изредка попадая, мы чувствовали себя словно дремучие провинциалы в Париже (ведь там в домах офицерского состава из кранов текла вода! а в магазинах можно было купить сыр и яйца!!!), мне, увы, так и не удалось найти среди монголов ни одного интересного собеседника. Разговоры с ними как правило сводились к торгово-обменным темам, типа: «Хром есть? Лиса нужен?»²²

Я так и не смог до конца поверить, что эти невзрачные, меланхоличные люди – потомки грозного народа, когда-то завоевавшего чуть ли не полмира.

Жамьянмядаг оказался единственным монголом, интересы которого простирались гораздо дальше приобретения дефицита. Да оно и понятно – будучи чуть старше меня, он побывал уже более чем в двадцати странах, и рассказывал об этом без похвальбы и тривиальных восторгов вдруг прозревшего крота. Он был весьма начитан, хотя нравились ему несколько странные с моей точки зрения книги.

Несмотря на то, что его волевое скуластое лицо поразительно напоминало мне образ молодого Чингиз-хана, казалось, что он совсем не принадлежит этим унылым безжизненным просторам, с редко разбросанными пентагончиками юрт и непонятно что тщательно пережёвывающими шелудивыми баранами.

Было даже странно услышать из его уст неизящную монгольскую речь, когда он попросил остановить машину перед глупо уставившимся на нас морщинистым точно грецкий орех пастухом, восседавшим на облезшем ключьями верблюде, и перекинулся с ним несколькими фразами: «Достаточно ли корма было в эту зиму? Хорошо ли поправляется твой скот?», что в принципе означало просто «Здравствуйте», однако старый монгол пустился в пространные ответные словоизлияния.

- Лето засушливое будет, – озабоченно сказал мне Жамьянмядаг, едва мы снова тронулись. – Старик говорит, уже сейчас в колодцах одна грязь.

Я вздохнул. Мне не надо было объяснять, что это значит. Наверное, больше всего я страдал в Монголии именно из-за хронической нехватки воды, причём пить её я вообще практически отучился. Самый сильный дискомфорт вызывало ощущение собственной немытости, невозможность сполоснуть хотя бы руки.

---

²² Под «хромом» подразумевались офицерские хромовые сапоги, без которых монгол не мог считаться полноценным мужчиной, ну а тем более жениться. Писком моды в те времена были заправленные в сапоги джинсы. В наших отдалённых южных краях активно процветал натуральный товарообмен лишней экипировки на шкуры местных животных – лис, тарбаганов и прочих куланов. Шкуры отличались необычайной вонючестью, так как монголы при выделке использовали собственную мочу.

Монголам для личной гигиены вообще не нужна была вода – они обтирали тело и лицо песком, а затем намазывались бараньим жиром, что по их мнению (ошибочному на мой взгляд) создавало дезодорирующий эффект. В жаркую погоду в местах скопления монголов было просто невозможно находиться. Эти проклятушие байрамы доставали меня и здесь...

Слушая интеллигентно построенные фразы моего необычного попутчика, мне вдруг подумалось, что ему должно быть невероятно стыдно перед забравшимся в его края иностранцем за это убожество природы, за нищету быта и духа его людей. Отчаянно захотелось хоть как-то его утешить и несколько минут я сидел молча, тщательно подбирая сочувственные слова о том, что ну, мол, ничего, на севере и у вас попадаются красивые места...

К счастью, монгол опередил меня, и едва я уже открыл рот, начиная свою глубокомысленную тираду, как он мечтательно вздохнул, обвёл трогательно потеплевшим взглядом стелющиеся за окнами машины плоские бесцветные поверхности и с душой в голосе произнёс:

- Но вот всё же где я только не бывал, каких удивительных краёв не видел, однако такой красоты как здесь у нас – нигде нет!...

Несколько секунд я сидел с так и не закрывшимся от потрясения ртом, с трудом осмысливая непреодолимость пропасти между нашими мировосприятиями, и то, какую жуткую бестактность я только что едва не сморозил.

Жаль, что бумажку с его адресом я потерял по пьяни спустя несколько дней. Впрочем, судя по всему, он так и не стал министром обороны...

... Снова проснулся я от довольно резкого толчка. Машина стояла в какой-то неглубокой ложбине. Вокруг почему-то было практически темно. Я в недоумении посмотрел на часы – всего пол-шестого вечера.

- Где мы, Деревягин?

Солдат напряжённо молчал. Машина раскачивалась от завывающих порывов ветра и тихо, словно виновато, фыркала.

- Мы где? – заорал я. – Ты куда, в ад что ли нас завёз, мать твою?! Почему темно так? Или у меня часы остановились? – с подозрением поднёс я к уху ливийские «Сейко», честно выигранные когда-то в карты у Бутеныча.

- Чего-то я заплутал маленько, – оправдываясь забормотал водитель. – А тут ещё стемнело сразу так, не видать ничего – наверно, буран идёт...

Небо действительно чернело прямо на глазах и как будто стремительно надвигалось на землю. Лучи фар беспомощно утыкались в поднимаемую ветром белесую пыль, и вдруг, приглядевшись, я понял, что это никакая не пыль, а самый настоящий снег.

- Ну ни черта себе! – искренне вырвалось у меня. – Первый раз за третью зиму снег в Гоби вижу!

Я распахнул дверцу машины, но сделал это очень опрометчиво – налетевший порыв леденящего ветра оказался столь мощным, что дверь швырнуло вперёд, едва не оторвав от металлических петель. К счастью,

спружинив, она отскочила почти в изначальное положение, где мне чудом удалось ухватить её, и борясь, словно с вырывающимся из рук взбесившимся роботом, наконец со скрежетом зафиксировать на месте.

Тёплая кабина за эти несколько секунд успела наполниться обжигающе-морозным воздухом и перемешанным с песком колючим снегом.

- Вот это да-а! – протянул я, отдышавшись. – Ну, похоже, мы с тобой, Деревягин, крепко попали...

Подняв с пола развернувшуюся карту, выхваченную ветром из-за сиденья, я стряхнул с неё песок: – И сколько ты уже едешь, сам не зная куда?

- Да тут вроде вот-вот должна бы сопочка двухгорбая показаться, а её уж с час всё нет, да нет... Я покрутился немного туды-сюды, пока вы спали, да чегой-то совсем запутался...

- Так ты ещё и крутился!... – сокрушённо пробормотал я, досадуя на себя за то, что расслабился и выпустил ситуацию из-под контроля. Впрочем, даже если бы я и не спал, вряд ли было возможно с комфортной степенью уверенности определить, где мы сейчас находимся.

Поставив крестик на том месте, где я в последний раз достаточно точно представлял наше месторасположение, я очертил круг радиусом километров в шестьдесят, то есть куда за это время мы теоретически могли бы заехать. Значительная часть окружности покрывала территорию Китая, и это радовать, безусловно, не могло. Утешало то, что даже если мы были уже на китайской территории, в такую погоду вряд ли кто мог случайно на нас наткнуться.

Теперь никаких иных вариантов не оставалось: только ждать пока прояснится небо, и по звёздам уходить строго на северо-запад, подальше от границы, ну а там – рыскать пока хватит бензина в надежде на счастливую случайность встречи со своими или дружественными монголами.

Кстати, о бензине я как-то до сих пор даже не задумывался. – Постой-ка, Деревягин, а сколько у нас горючки?

- Да оба бака полны были, когда уезжали, и зампотех ещё бочку на кузове прикрутил полную – чтоб на обратную дорогу хватило, – шмыгнув носом, сообщил солдат. – Так что много пока ещё керосина, товарищ старший лейтенант.

Ответ меня успокоил и потянувшись, я зевнул. Ужасно хотелось вылезти из тесной кабины – размять кости, да и желание облегчиться напоминало о себе уже всё настойчивее, но повторять рискованный трюк с дверью желания не было, тем более что унести таким ветром легко могло и меня самого, поэтому я решил потерпеть, насколько возможно. А там, глядишь, и буря поутихнет.

Пока же всё становилось только более зловещим. Низко, с перебоями взывал ветер, вокруг уже не было видно ни зги, мелкий колючий снег и песок с неприятным наждачным скрипом шуршали по

стёклам и бортам «ступы»²³, струйками протекая во все щели, будто кто-то с дьявольской силой огромными горстями осыпал наш Зил. Грузовик раскачивался всё ощутимее, точно переминаясь с ноги на ногу. «Уж не собирается ли он взлететь?» - с тревогой подумал я. - «Так ведь и унесёт, точно Элли с Тотойшкой в жёлтую страну. Хотя куда уж дальше? Эх, где же ты мой изумрудный город²⁴ с добрым волшебником Гудвином...»

- Ладно Деревягин, будем считать что остановились на привал. Пикник на обочине, так сказать, - бодрым голосом сообщил я испуганно озирающемуся по сторонам солдату, доставая из-под сиденья «тревожный» вещмешок. - Ну-ка проверим, что там господа офицеры нам благоволили оставить.

«Тревожным» мешок величали потому, что он всегда должен был храниться полностью собранным на случай внезапного убытия по тревоге, однако хронические групповые пьянки офицерского состава делали поддержание комплектности практически невозможной задачей - закуски всякий раз не хватало, и в ход тут же шли консервы или галеты из первого попавшегося распотрошённого вещмешка.

Забежав сегодня утром на жилзону я к счастью сразу отыскал свой баул под кроватью, отметив его подозрительную лёгкость, однако проверять экипировку времени не было, и я на всякий случай просто забросил в его чрево несколько банок тушёнки, сгущёнки и баклажанной икры из удачно полученного накануне продовольственного пайка.

Чего-чего, а консервов в Монголии хватало. Я до сих пор не могу переносить вкуса тушёнки и сгущённого молока (не утратив, однако, наркотической привязанности к «заморской» икре). Со всей прочей снедью зато творился полный абзац. Офицерские семьи по полгода не видели никаких свежих овощей, включая картошку, и даже таких элементарных продуктов как молоко, яйца или сыр, не говоря уже о фруктах и прочей неподобающей роскоши.

Съедобное мясо, несмотря на то, что Монголия кроме животноводства ничем больше практически не занималась, можно было раздобыть лишь путём браконьерского отстрела коз, которые к счастью водились здесь в изобилии. То «мясо», которое выдавали нам на паёк, внешне вроде бы соответствовало своему названию, но на сковородке за несколько секунд сморщивалось, теряло сок и цвет, превращаясь в засушенную нежующуюся подошву.

Причину такой колдовской трансформации я понял, когда меня однажды отправили получать мясо для всего батальона с какого-то стратегического склада аж под самым Улан-Батором: в кузов моей машины из подземного ледника с каменным грохотом летели туши с синеющими клеймами «Наркомат обороны. 1937 г.». С мрачным юмором мы называли их потом «жертвами сталинских репрессий».

---

²³ Так ласково именовали в армии Зил-157.

²⁴ По странной иронии судьба занесла меня потом и в Жёлтую Страну, ну а город Сиэтл, в котором я сейчас проживаю, называют именно «изумрудным городом». Доброго волшебника Гудвина, правда, так до сих пор и не встретил...

Когда вдруг до нашего пустынного Сайн-Шанда раз в несколько месяцев по неведомой прихоти какого-нибудь снабженца доходил рефрижераторный вагон со свежим продовольствием, об этом становилось известно за много дней, и жёны офицеров заранее занимали перед магазином очередь, где сменяясь, дежурили круглосуточно, иногда дрались, вырывая друг другу волосы, чтобы в конце-концов принести домой десяток яиц, кочан подгнившей капусты да баночку майонеза, которая потом благоговейно хранилась несколько месяцев до какого-нибудь большого праздника.

Однажды зимней ночью, сменив подругу в такой очереди, молодая женщина за несколько часов ожидания насмерть заморозила новорожденного ребёнка...

Мои подозрения оказались не напрасными – из всех предыдущих продовольственных запасов в вещмешке осталась лишь банка сгущёнки, на которую тут же с вожделием принялся коситься солдат, зато откуда-то добавилось две пустые бутылки из-под архи²⁵.

Я покачал головой и грязно витиевато выругался. А если бы я не получил вчера паёк, да не успел прихватить консервы? Сиди сейчас да соси лапу под вой ветра? Эх, офицеры, раздолбаи...

- Ну чего ты так на сгущёнку уставился? Бери всю банку, потом съешь, я уже видеть её не могу, – бормотнул я, роясь в недрах мешка и пытаюсь определить, к чему же у меня меньше отвращения – к сайре бланшированной в масле, килькам в томате или опостылевшей гов. тушёнке.

К моему изумлению, солдат, ловко вскрыв сгущёнку штык-ножом, тут же с напористостью вампира присосался к банке. – Эй, эй, подожди! – попытался остановить я его. – У нас же мясо есть ещё, или рыба. Хлеб вот свежий, вчерашний...

Однако водитель, продолжая поглядывать на всё предлагаемое ему великолепие, тряс перевёрнутую банку над далеко высунутым языком до тех пор, пока на него не прекратили стекать тонкие белые струйки, после чего отломал краюху хлеба и принялся вымазывать остатки на стенках. Меня передёрнуло. – Ну и как ты после десерта консервы есть собираешься? – иронически осведомился я.

- Можно и консерву теперь, – скромно согласился Деревягин. – А сгущёночку я очень уважаю...

Вздохнув, я протянул ему «Сайру бланшированную»: – Ну, тогда открывай.

Проворно вытерев липкий штык-нож о замасленные до черноты штаны, тот в две секунды вспорол жестянку и протянул мне обратно. Меня передёрнуло опять при виде его эфиопского цвета рук с обломанными грязными ногтями, но поделаться с этим было ничего нельзя.

«Надо как-то бороться со своим чистоплюйством», – в который раз подумал я, но всё же не удержался и смочив водой из фляги носовой

---

²⁵ Монгольская водка. То, что продавалось в магазинах, по сути представляло собой разведённый спирт, крепостью 30-35 градусов.

платок, протёр им свою вилку а потом и руки. Солдат насмешливо поглядывал на мои манипуляции, уже держа наготове извлечённую из-за голенища закопчённую ложку с исковерканной, раза три перекрученной ручкой.

- Ну что, рядовой Деревягин, – с высокопарностью, усиленной завываниями ветра, объявил я. – Поскольку никто из нас теперь не за рулём, и в ближайшие несколько часов машину вести попросту некуда, я иду на педагогический эксперимент и предлагаю тебе совместно отведать самогоночки. Но учти: буду пристально наблюдать за твоим состоянием, и если замечу неадекватные отклонения – немедленно прерву наш алхимический опыт.

Водитель судорожно сглотнул слюну и с собачей преданностью посмотрел мне в глаза: – Да я... Да што-ж – конечно, товарищ старший лейтенант! Да граммов двести оно мне как слону дробина!

- Двести! – присвистнул я. – Нет, мой юный друг, ограничимся ста пятьюдесятью. – Твой тренированный организм бывшего тракториста уже, боюсь, отвык от таких доз. Доставай кружку.

Рядовой обиженно запыхтел, роясь где-то у себя под ногами: - Да мы почитай каждый вечер антифризика по кружечке накачиваем! Только его много нельзя – помереть можно, а то и ослепнуть...

- Антифриз пьёте?! – изумился я. – Так вот почему радиаторы у машин то и дело размораживаются! Да радиаторы то ладно – а вот как вы сами ещё живы?!

Деревягин самодовольно ухмыльнулся: - А это рецепт знать надо. Мне его сержант со 2-й роты ишо в прошлом годе за дембельскую шинэль рассказал...

Он наконец извлёк на свет и протянул мне замусоленную алюминиевую кружку, покрытую слоями засохшего жира, крошками табака и прочими отложениями, но ничего другого увидеть я и не ожидал. Плеснув туда на два пальца пахучей жидкости из увесистого «галлона», я затем налил столько же в свою эмалированную, и плотно закрыл банку пластиковой крышкой. Самогонку стоило бы поберечь. Когда до Лёшки удастся-таки доехать, чего я ему скажу?

- Ну что-ж, – провозгласил я, – Так сказать, за благополучный исход нашего маленького приключения!

Чокнуться толком не получилось, так как я непроизвольно всё же попытался избежать слишком тесного соприкосновения с антисанитарной солдатской кружкой.

Самогон привычно ожёг нёбо терпким сивушным привкусом, а потом распустился в желудке дивным огненным цветком. Сразу стало хорошо и даже как-то уютно. Мы молча жевали консервную рыбу, поглядывая на бушующую за тёмными окнами метель. В покачивающейся кабине было тепло, и я расстегнул свой бушлат.

Захотелось поговорить о чём-нибудь возвышенном, философском.

- А вот объясни ты мне, Деревягин, – начал я светскую беседу, – парадокс неуставных отношений в нашей армии. Я же помню, как тебя салабоном деды чмырили, туалетные очки зубной щёткой драить заставляли, и тебе это не нравилось, а теперь ты сам над молодыми

измываешься, даже поколачиваешь иногда, я слышал. Неужели на собственной шкуре не понял, как это плохо?

Он шмыгнул носом. – Ну а как ещё? Ежели салабонов не гонять, так они обнаглеют в момент, старослужащих уважать перестанут. А дедушек почитать надо – это-ж даже стих такой сложен: служи сынок, как я служил, а я своё уж отслужил! Меня вон когда дрючили, у меня в другой раз слёзы капаят, а я всё про себя повторяю: дерите меня, дерите – злее буду, уж отыграюсь потом на молодых!

Слушая его нелицемерную тираду, я устыдился наивности своего воспитательного порыва. Нет, в этой армии искоренить неуставняк проповедями невозможно – на нём попросту зиждется вся система отношений подчинённости, безмолвно поощряемая сверху. Другого способа эффективно держать под контролем это стадо, в которое за считанные дни превращают вчерашних школьников, видимо действительно нет – сегодня дерут меня, зато завтра я отплачу по полной!

Сколь глубоко пронизана армейская действительность этими уродливыми негласными принципами, я воочию убедился сразу по прибытию в отдельный батальон ОНАЗ, где меня тут же назначили так называемым "военным дознавателем", обязанным разбираться во всяких мелких правонарушениях, ибо происшествия разной степени тяжести случались в части чуть ли не ежедневно, а штатным командирам было недосуг лично разбираться, кто кому подбил глаз, и где солдаты раздобыли стеклоочистителя для праздничной вечеринки.

Поначалу меня даже развлекали эти показушные следственные мероприятия, и одно время я принялся коллекционировать солдатские объяснительные, написанные порой весьма нестандартным, живым языком. Надо сказать, необходимость что-либо писать была для большинства из них сущей пыткой, сопоставимой с самым суровым наказанием, и это уже само по себе несло мощную педагогическую нагрузку. Вдобавок к этому, творческие муки разрождались порой подлинными филологическими сокровищами: «Из коптёрки послышались шум и стуг похожие на удары тубаретом по ледцу», или «Он ударил меня ногой, обутой сапогой».

Однако 1-е место в моём хит-параде навсегда безоговорочно занял шедевр солдатского канцелярского вдохновения, объяснявший почему военнотружущий одной из кавказских национальностей нещадно избил двух военнотружущих другой кавказской национальности.

К сожалению, адаптированное переписывание этого выдающегося документа не даёт полного представления обо всех его оригинальных достоинствах, ибо знаки препинания там напрочь отсутствовали, а слова и буквы соединялись и расчленялись в произвольном порядке, потому часть кайфа заключалась именно в процессе дешифровки. Постараюсь максимально близко передать дух и букву произведения:

*«НАЧАЛНИКУ ЭТОЙ АРМИИ
Я ВИШЭЛ НОЧЧЮ ИЗ КАЗАРМА ПАССАТ
КТОТО ИЗ ТЕМНОТЫ СПРАСИЛ МЭНЯ БИЧО ЖЁПА ИБАЦЦА БУДЕМ
Я АХУЭЛЬ»*

Последнюю фразу я поначалу принял за подпись, и лишь некоторое время спустя до меня дошло всё величие неподдельного возмущения бичо столь неприемлемым предложением сексуального характера, просто не подразумевающим никаких иных ответных действий с его стороны.

И ведь действительно: какие ещё тут требуются объяснения?!...

Когда ветер чуть поутих, и мы наконец вылезли из машины размяться и помахать руками, Деревягин смущённо задал, видимо уже давно мучающий его вопрос:

- Товарищ старший лейтенант, а разрешите спросить? Вот вы, говорят, в таком училище обучались, языками всякими владеете, китайской грамотой, а ведь вас там тоже учили этим их штукам всяким, типа боевого самбо, руками кирпичи ломать, головы там отрывать? Может покажете пару приёмчиков?

- Учили немного, – подчёркнуто скромно, но с достоинством подтвердил я, не желая развеивать романтический фимиам вокруг ВИИЯковского имиджа, – Но показывать их тебе я не имею права. Это совершенно секретно.

Деревягин невольно затронул болезную тему: да, учили-то нас многому, только вот тому ли, что нужно в этой жизни? Особое место в перечне моих претензий к данному Родиной образованию занимали как раз уроки ФИЗО.

Их на протяжении нескольких лет у нас вёл майор Киреев, то ли чемпион, то ли призёр каких-то чемпионатов мира и Европы по вольной борьбе. Внешностью он сильно напоминал физически развитого, очень подвижного бегемота, и при взгляде на него становилось искренне жалко его бывших соперников.

Помнится, первое время мы с нетерпением ждали, когда Киреев начнёт делиться с нами секретами борцовского мастерства, но скоро стало очевидно, что его тренерский арсенал разнообразием не отличается. Любимым упражнением, которому он посвящал почти всё наше время, были примитивные отжимания от пола.

- Товарищи курсанты! – однообразно возглашал он в начале урока хрипловатым басом. – Положение упора лёжа принять! Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два...

Темп, который он задавал, мог выдержать разве что отбойный молоток, и довольно скоро мы по одному начинали обессиленно утыкаться носами в пол. Это приводило его в ярость.

- Кто там сачкует?! – грозно кричал он, и от этого рыка вполне могли бодро воспрянуть даже мёртвые. – Курсант Бисеров! 100 отжиманий на скорость! Раз-два, раз-два, раз-два!...

Однажды во время краткого перерыва, кто-то не выдержал: – Товарищ майор, ну что мы всё отжимаемся, да отжимаемся? Вы бы показали нам хоть какие-нибудь приёмчики...

- Какие ещё приёмчики? – неподдельно возмутился Киреев. – Взял – да ломай! Вот и все приёмчики!...

Деревягину об этом я решил не рассказывать – солдаты должны свято верить в то, что их командиры не боятся ни Бога на небе, ни Чёрта на земле. За другим командиром они просто не пойдут в бой. Хотя, какой я к дьяволу командир? Армейский интеллигентишка, переводяга, недоразумение в военной форме, а поди-ж ты – ощущаю личную ответственность за имидж командирского корпуса Красной Армии!

Я махнул рукой и полез обратно в кабину. – Ладно, Деревягин, давай ещё по одной. Вторая в армии традиционно – за милых дам. Вот у тебя девушка дома есть?

Водитель хмыкнул: – Та есть, только уехала сейчас из посёлка в райцентр, в техникуме учиться. Не нравится мне это.

- Учение не одобряешь?

- Не для баб оно. А то сильно больно умная будет.

- Да ты рассуждаешь прямо как араб! – удивился я, – Ты не магометанин случаем?

Он то ли не поняв, то ли проигнорировав, гнул своё: – Да ишо там нахватается в городе всякого... разврата.

- Ладно, не скрипи, пуританин. Если любит – дождётся. А фотография хоть у тебя есть?

Солдат так долго кряхтел в поисках целлофанового пакета с письмами, затерявшегося за подкладкой его драного бушлата, что я уже успел пожалеть о своей просьбе.

Наконец он ткнул мне маленький квадратик фотографии с уголком, сделанной видимо на комсомольский билет, с которой угрюмо взирала крестьянского вида девица, похожая на Деревягина как родная сестра.

- Красивая, – изо всех сил кривя душой, сказал я. – Но серьёзная, сразу видно. Так что за развраты не бойся, – добавилось уже совершенно искренне.

Довольно сопя, он убрал фотографию обратно в пакет. – Товарыщ старший лейтенант, а вы это, монголок пробовали? Говорят у них дырочка ма-аленькая, а сифилис тама ого-го!

- Правильно говорят, – сурово подтвердил я. – И вообще – нечего породу портить. Тебе же не придёт в голову козе вдуть, я надеюсь? Солдат заржал, но как-то подозрительно виновато, и я строго погрозил ему пальцем.

Причину, по которой я когда-то дал себе зарок ни при каких обстоятельствах не притрагиваться ни к одной местной монголке, я объяснять не стал. Ворочать языком становилось лениво, да и не поймёт он этих рефлексий.

Монгольские девушки в наших далёких краях были, мягко говоря, более чем доступны. И дело заключалось даже не в их легкомыслии, блудливости или корыстолюбии, а в том что забеременеть от русского считалось не предосудительным, но напротив очень похвальным делом.

Процент детской смертности у монголов составлял какую-то жуткую цифру, что было вполне объяснимо низким уровнем медицинского обслуживания, суровыми условиями жизни и неразнообразным рационом питания, практически лишённым витаминов.

Не последнюю роль играло и неконтролируемое кровосмешение, поскольку практически все монголы, обитавшие в этом обширном ареале, принадлежали к трём-четырёх кланам, и по сути дела состояли между собой в большей или меньшей степени родства.

Посему совет старейшин их племён, покумекав на эту горестную тему, время от времени принимал решение разбавить загустевающую кровь и отряжал спецгруппы созревших молодых самок в поход по русским военным жилзонам, где пьяные офицеры радостно приветствовали такой культурный обмен, изрядно скрашивающий их однообразно-беспросветный быт.

Иногда, правда, случались и конфликты, вызванные стремлением наиболее чистоплотных (или наименее пьяных) русских каким-то образом помыть свою монгольскую подругу перед любовным соитием. Такие коварные поползновения сурово пресекались пустынными амазонками, ибо соприкосновение тела с водой было для них чем-то сродни самому страшному извращению.

Однажды я, ещё в свою первую монгольскую зиму, брёл куда-то по селению Сайн-Шанд (в Большой Советской Энциклопедии значащемуся как «крупный культурно-промышленный центр, столица Восточно-Гобийского аймака»), состоявшему в основном из юрт вперемежку с ветхими сарайчиками.

Справедливости ради следует всё-таки упомянуть, что возвышалось там и местное архитектурное чудо – 3-этажный жилой дом, да вот только сотворившие его зодчие либо не знали, либо не сумели воспроизвести систему современной канализации, и потому все туалеты в нём были сооружены по принципу «сквозного очка»: сидящий на первом этаже, должен был очень бдительно отслеживать, что происходит над его головой на двух верхних уровнях...

Зима в тот год выдалась даже по местным стандартам очень холодная – на термометрах, где шкала начиналась с минус сорока, красный столбик с утра частенько просто не показывался, однако в условиях почти нулевой влажности такой мороз при отсутствии ветра практически не ощущался, напоминая о себе лишь остреньким покалыванием в ноздрях при глубоком вдохе. Не видевшая снега каменная земля покрывалась равномерно расплзающимися кривыми трещинами, что ещё больше усиливало её сходство с лунным рельефом.

Когда я проходил мимо одной из самых захудалых юрт, из неё вдруг выскочил пописать мальчуган лет трёх-четырёх от роду. Меня словно монгольской стрелой пронзило не только то, что ребёнок был бос и практически гол, не считая какой-то лёгкой распашонки; и не столько то, как ловко справлялся он со своей далеко не простой задачей, приплясывая и быстрыми щелчками откалывая от съёжившегося писюна льдинки моментально замерзающей на лету мочи.

Я оказался буквально парализован тем, что его раскосые глаза сияли безмятежно голубым васильковым оттенком, а прямые жёсткие волосы были цвета «топлёных сливок» (по выражению Есенинского друга Мариенгофа).

«Боже мой! – ошарашенно соображал я. – Получается ведь, что это – сын кого-то из тех, кого я скорее всего знаю, в то время как тот, ни о чём не помышляя, пьёт себе сейчас самогоночку и ждёт, когда в гости снова заглянет ещё одна не достигшая ещё своей цели непритязательная монгольская «хуухэн»²⁶...!

Не знаю почему, но во мне что-то перевернулось. Я не то чтобы ощутил вселенскую отцовскую ответственность за всех детей, могущих когда-либо ненароком завестись в результате моего пенящегося молодого любвеобилия по различным уголкам земного шара. Нет, мне просто конкретно захотелось допустить, чтобы мой незнакомый мне сын бегал босиком по застывшей гобийской земле и умело сбивал щелбанами ледышки со своей пиписки, являющейся маленькой копией моей собственной...

Размышляя о превратностях неистребимого полового влечения, я неожиданно опять клюнул носом – самогонка оказалась коварно крепка. А может отозвалась и бессонная ночь на дежурстве, только голова стала вдруг невероятно тяжёлой.

- Давай-ка, знаешь что, Деревягин, – выговорил я заплетающимся языком, – Выпьем ещё по одной – да и поспим маленько.

Не отвечая, солдат тут же протянул кружку. Он тоже, как оказалось, уже полу-спал, накренившись к дверце под каким-то странным углом.

Усмехнувшись, я плеснул в подставленную кружку самогона, но пока сосредоточенно лил напиток в свою, водитель успел без тоста осушить бокал и захрапеть, выронив кружку на пол кабины.

- Хорошо сидим! – пробормотал я засыпая.

На сей раз сон оказался тяжёл. Это был даже и не совсем сон, а наваливающиеся обрывки воспоминаний, переживаемые сейчас почему-то гораздо острее, чем тогда, в отдалившейся уже реальности.

...Виделось моё прибытие в Монголию. Знакомство в поезде Улан-Батор – Сайн-Шанд со старшим лейтенантом Алексеем Орлюком, щедро угощавшим весь вагон монгольским пивом, которое показалось мне весьма недурным после поглощения отравы с белым осадком и гордым именем «Пиво Кяхтинское» на пограничной станции Наушки...

Медленно ползущий поезд с тремя вагончиками, останавливающийся у каждой юрты....

...Постепенное исчезновение зелёного цвета с лика земли...

...Кривые рельсы от горизонта до горизонта...

...Продолжение знакомства с офицерами на жилзоне Сайн-Шанда, неустанно газировавшими в сифоне самогон, закусываемый тушёнкой из банок, которую мне сначала казалось неудобным есть на халяву, пока я не увидел, с каким пренебрежением относятся к ней все остальные; вызов кем-то за что-то меня на дуэль, с восторгом мною принятый; выделение мне кровати у стены с анатомически грамотным изображением верблюда,

---

²⁶ Девушка (монг.)

пердящего «Good Day Sain-Shand!»²⁷, в двухкомнатной квартире под вывеской «Чудильник», служившей общагой для шести холостых офицеров, где ванна была наполнена пузырящейся созревающей брагой...

«Жить везде можно» – подумал я, сладко засыпая под нестройный хор, в шестой раз исполняющий «Поручика Голицына».

Ночь развеяла первоначальные иллюзии – проснулся я от навязчивого шороха, заглушающего храп вповалку лежащих офицеров числом гораздо более шести, из чего я сделал мимолётный, но верный вывод, что наша общага является чем-то вроде местного клуба. Источником шороха являлось то, что поначалу показалось мне талантливой инсценировкой фильма ужасов: все стены, потолок, пол, заваленный остатками пиршества стол – были покрыты кишашшими буквально друг на друге тараканами!...

Я остолбенело стоял, не веря собственным глазам, утверждаясь в мысли, что конец света, как и предсказано в Писании, начался как раз когда все спят, пока с потолка прямо за шиворот мне не свалился суетливый групповичок отвратительных тварей. Затрясшись и заорав нечто нечленораздельное я бросился поднимать сотоварищей на борьбу с силами зла, однако даже тот избранный, кто умудрился приоткрыть один глаз, убеждённо порекомендовал мне меньше пить, иначе вместо безобидных таракашек, станут являться лукавые зелёные черти.

Отчаявшись найти союзников, я кинулся на кухню, где творился аналогичный апокалипсис, и в одной из стоящих рядом солдатских тумбочек, символизирующих кухонный гарнитур, обнаружил баллончик дихлофоса. Дрожа от ненависти и с вожделием наркомана глубоко вдыхая аэрозоль, гарантирующую, что по крайней мере внутрь меня не проникнет ни одно гадостное насекомое, я опустошил баллон, методично обработав потолки, стены и мертвецки почивающих офицеров.

Тараканы покорно ссыпались с потолков и стен на пол, покрыв его равномерным 2-сантиметровым слоем. Продолжая трястись от нервного возбуждения, я смёл побеждённые легионы веником в пластиковое ведро, потом во второе, и невзирая на несуразное время на часах, оттащил их на помойку, где также невзирая на время, вдумчиво паслось стадо монгольских баранов...

На следующее утро оказалось, что вызов на дуэль не был пьяной шуткой. Вернее, разумеется пьяной, но вот повод являлся более чем серьёзным: как выяснилось, я помыл руки водой, предназначенной для общего чаепития. Дуэли на пистолетах Макарова среди офицеров было принято объявлять друг другу и по гораздо менее значащим причинам – это стало одним из способов хоть как-то разнообразить гарнизонную скуку.

Тем же утром мне объяснили, что тараканы – священные в Монголии животные, поскольку вывести их невозможно, ибо живут они везде, зимой предпочитая домашние холодильники. Моя ночная эскапада с дихлофосом вполне могла стать поводом для ещё не одной дуэли, но офицеры, воскресным утром принявшие из ванны по кружечке очень кстати

---

²⁷ Реминисценция на битловское «Good Day Sunshine»

подоспевшей браги, были куда более благосклонны чем накануне, и потому решили великодушно простить моё невежество.

В том, что стремление жить без тараканов и на самом деле полное невежество и чистоплюйские предрассудки, я убедился буквально через 2-3 дня, едва из квартиры выветрились едкие остатки дихлофосного аромата...

Пока же я лихорадочно вспоминал немногочисленные уроки пистолетной стрельбы, оживляя их примерами дуэлей из художественной литературы, и прикидывая, стоит ли мне сразу благородно выстрелить в воздух, или сначала выяснить, куда намерен пнуть мой оппонент.

Однако вскоре мне к тайному облегчению сообщили, что в результате простреливания ноги «финну»²⁸ как раз накануне моего прибытия, комбат «наложил кредо» на все дуэли, и теперь офицерам запрещено получать патроны, поэтому все эти по-ковбойски лихо торчащие из расстёгнутых кобур пистолеты стали не больше чем лоховской бутафорией. Впрочем, это был, наверное, единственный разумный поступок комбата за всё время моей монгольской службы.

Потом в сон вплыли неприятные, бредовые темы о командовании нашего ОСНАЗа: комбате, объявлявшем тревоги всякий раз, когда он достигал стадии особого алкогольного просветления, всё более учащавшиеся, так что в конце концов на эти тревоги стали забивать практически все, включая замполита, который тем не менее потом брал на карандаш каждого не явившегося по сигналу.

Особое раздражение у всех без исключения офицеров вызывал начальник командного пункта, майор с дурацкой фамилией Могба и длинным прозвищем «Мог-ба, ежели захотел-ба». Этот мелкий человечек с острым, плохо выбритым подбородком, напоминавшим синюю куриную гузку, умудрился своими занудными придирками достать, как выяснилось, каждого из тех, кто собрался однажды вечером на кухне нашего «Чудильника».

Мою личную неприязнь он прочно завоевал после того, как углядев в моих руках открытый «словарь русско-китайского языка», принялся читать мне получасовую нотацию о том, что «солдаты в армии без присмотра, а некоторым офицерам совсем заняться нечем». После чего я совершенно незаслуженно был отправлен с тёплого КП на мороз в автопарк руководить, вернее в соавторстве с двумя другими офицерами наблюдать за натягиванием колючей проволоки вокруг склада, где хранился антифриз.

Перечисляя каждый свои обиды, словно тосты, мы незаметно распалили себя настолько, что решение «умертвить гнуса» пришло естественно, как нечто само собой разумеющееся. В дальнейшем со всё нарастающим энтузиазмом обсуждались лишь технические детали умерщвления.

Вариант «пристрелить как собаку» отпал сразу по детской причине отсутствия боеприпасов, что было тут же оправдано недостойностью

---

²⁸ Начфин – начальник финансовой службы батальона, очень важное лицо.

умерщвляемого принять столь благородную офицерскую смерть. Затем последовали варианты один несуразнее другого, пока к спору не подключился молчавший дотоле прапорщик Витя Миронищев, носящий красноречивую кличку Мордер²⁹, поскольку мог бы с большим успехом играть в кино толстолицых баварских мясников.

Не вдаваясь в многословные прения, он поднял с плиты огромную чугунную сковородку, вышвырнул в форточку жарившуюся на ней гору отмоченной в браге сухой картошки, икнул и сказал: – А вот!

Чёрная сковорода в его бревноподобных волосатых руках смотрелась так убедительно, что первый вопрос был решён. Задача «выманывания бобра из норы» была единодушно поручена мне, как обладающему (на тот момент) самыми интеллигентными манерами.

Когда я уверенно постучал в дверь майорской квартиры, «сейки» показывали что-то около трёх ночи. Дверь открылась почти сразу, будто Могба ждал свою смерть, стоя под дверью. – Что случилось, товарищ лейтенант? – позёвывая спросил он.

Я с жалостью посмотрел на его выцветшие кальсоны с тесёмочками на тщедушных ножках, вставленных в огромные валенки жены, находящейся с начальником КП несомненно в разных весовых категориях.

- Случилось ужасное, товарищ майор, – таинственно ответил я заготовленной фразой. – Нам надо немедленно идти, по дороге я вам всё объясню.

- Да, да, – засуетился он, шаря по вешалке в поисках какой-то одежды, – Сейчас же идём! Так что же случилось?

- Увидите сами, товарищ майор, – продолжал я напускать загадочности, но уже теряя терпение. – Пойдёмте же скорее, можно прямо так, не одеваясь, тут недалеко.

Однако почти уже проснувшийся Могба почуял неладное и заупрямился, остановившись прямо в проёме двери. – Нет, вы доложите мне, что случилось!

- Товарищ майор, – приблизил я своё лицо к волосатому майорскому уху, вежливо, но настойчиво пытаюсь выпихнуть того из квартиры, – Это невозможно описать словами. Могу лишь уверить вас, что ваше личное присутствие совершенно необходимо.

Несколько секунд мы, пыхтя, толкались в тесном коридорчике, когда вдруг из-за косяка подъездной двери выдвинулся исполинский силуэт нетерпеливого Мордера со зловеще блеснувшей сковородкой в руках.

Могба заверещал словно заяц и проворно стреканул внутрь тёмной квартиры. Благоприятный момент был упущен...

Я не раз думал потом, что случилось бы со мной, со всей нашей тёплой компанией, если бы мне удалось тогда выманить майора из подъезда. В верности руки Мордера сомневаться не приходилось – незадолго до этого заговора он, играючи, выбросил из окна нашей общаги

---

²⁹ Mörder – убийца (нем.)

трёхпудовую гирию. Не мелкий штрих к его характеру добавляло и то, что окно при этом было закрытым...

Однако, что поучительно в той истории, начальник КП не только никому ничего не рассказал о ночном происшествии, но и не досаждал нам после этого гораздо дольше, чем тараканы после обработки дихлофосом.

Потом мне стал настойчиво видеться мой первый пожар. Пожары на жилзоне были не редкостью, о чём красноречиво напоминали большие обугленные прямоугольники на местах некогда стоявших там домов. Впрочем, домами эти двухэтажные сооружения, кое-как сколоченные из щитов ДВП и обитые косматыми брикетами утеплителя, назвать можно было лишь условно.

В один из вечеров мы по обыкновению играли в преферанс, который по мере поглощения различных напитков становился всё меньше похожим на интеллектуальную игру, но напоминающим по степени азартности вульгарное очко. Внезапно за тёмным стеклом замелькали всё более и более яркие сполохи.

- Опоньки! – сказал кто-то, бросив взгляд в окно, – Ещё один загорелся. Кажись заградбригадовский... Мизер в тёмную!

Выскочив во двор, я с ужасом увидел, что стоящий в следующем ряду наискосок от нашего дом уже наполовину обволокло пламя, языки которого под сильными порывами зимнего ветра с завораживающей скоростью рвались всё дальше. Вокруг здания, чего-то вопя, носились тёмные силуэты.

Я бросился в чёрный проём ближайшего подъезда, но оттуда, сбив меня с ног, вылетел огромный тук набитый каким-то барахлом, за ним грохнулся телевизор, с кряканьем разделившись на кинескоп и аккуратно сложившийся деревянный ящик. В подъезде слышались громогласный мат и неистовый топот сапог. Я благоразумно понял, что помочь там кому-либо мне сейчас вряд ли удастся.

В оцепенении мы наблюдали, как на наших глазах огонь всё ярче озаряет чёрную коробку дома изнутри, а ещё через несколько минут вовнутрь рухнула крыша, подняв тучу искр, роем понесшихся в направлении соседнего дома. Несколько человек, видимо его жильцы, заорав, ринулись туда.

Вокруг нас в отсветах зарева молча стояли незнакомые люди – кто кое-как одетый, кто почти голый, зато с какими-то нелепыми вещами в руках. Все загипнотизировано смотрели на жаркий, разбушевавшийся огонь.

- Ну вот, хоть погреться напоследок от дома своего, – мрачно пошутил мужик в солдатском бушлате и голубых кальсонах.

- А... а там кто-нибудь ос-стался? – заикаясь спросил его я.

- Да а хер его знает! – хрипло ответил тот и сплюнул. – С первого этажа вроде, смотрю, все выскочили...

Наутро на остывающем пожарище нашли труп женщины, судорожно сжимающей ребёнка. Младенец даже почти не обгорел, так как мать, обнимая, пыталась защитить его от пламени. Её мужа, лейтенанта,

дежурившего в ту ночь по части, сначала на всякий случай разоружили, и только потом сообщили о смерти жены и годовалого сына. Через несколько дней его, как в таких случаях водится, перевели к новому месту службы.

...Мне продолжало сниться, что я так и застыл перед бушующим пламенем, от которого совсем не жарко, но отчего-то всё труднее и труднее дышать, хотя дыма никакого нет. Потом оказалось, что я всё-таки вошёл в подъезд горящего дома и стою там, мне тепло, но воздуха становится всё меньше, и кто-то в темноте ритмично колотит меня мягким тюком по голове, низко гудя сразу в оба уха.

Я наконец с огромным усилием продрал глаза и некоторое время медленно обводил взглядом полумрак кабины, освещаемой лишь мертвенным мерцанием приборной панели. Рядом, привалившись к двери неподвижно сидел водитель. В ушах продолжал нарастать какой-то адский гул, но он не был звуком работающего мотора – я вдруг понял что это как сумасшедшее колотится моё собственное сердце. От усилия сделать вдох голова закружилась так, что я показался самому себе сидящим вверх ногами на полу кабины, почему-то ставшей потолком...

И тут меня пробила кошмарная догадка: угарный газ! Как же мог я даже не подумать об этом невидимом убийце, так любящем тихонько подстеречь ненароком задремавших в машине путников!

Рассудок рванулся наружу к свежему морозному ветру, однако телу туда ужасно не хотелось. Куда слаще было лениво смежить веки и оставаться здесь, в обволакивающей тёплой истоме...

Цепляясь за клочки растворяющейся в небытие воли, я медленно, толчками приблизил дёргающуюся, словно чужую ладонь к дверце, из последних сил надавил на ручку и мешком вывалился из кабины.

От шока столкновения с мёрзлой землёй, мне не сразу удалось вздохнуть, и вдруг раскалённый воздух тысячами иголок вонзился в мои лёгкие, словно бешеный пёс принявшись раздирать их на части. От дикого страдания почернело в мозгах, я судорожно пытался выкашлять из себя эти стальные лезвия, но рот ненасытно хватал новые и новые порции мучительной рези.

Наконец я кое-как продышался и сел, обняв колесо. Голова трескалась от боли, однако сознание, хоть и какими-то нелепыми обрывками, но постепенно всё же возвращалось туда. Я встал, шатаюсь и надсадно кашляя, обошёл машину и рванул на себя дверцу водителя. Солдат выпал из кабины словно большая тряпичная кукла, как и я сам несколько минут (часов? секунд?) назад. Я с трудом перевернул его на спину и заглянул в лицо. В предрассветном сумраке его черты показались неузнаваемыми из-за глубоко ввалившиеся глаз и почерневших губ.

Меня заполонила невыносимо жуткая мысль, что он уже мёртв, и теперь я остался совсем один в этой заметаемой бураном пустыне за сотни километров от ближайшего человеческого существа. От ужаса я попытался крикнуть что-то, однако измученные лёгкие не справились с такой нагрузкой и исторгли лишь нечто похожее на сиплый отрывистый лай.

Я изо всех сил потряс бойца, но он был весь какой-то твёрдый, будто окаменевший. Преодолевая брезгливость, я разжал пальцами его синие

губы с редкими золотистыми волосками юношеских усиков и принялся вычищать изо рта густую накипь пены. Потом, припоминая смешные уроки искусственного дыхания рот в рот, неловко попытался воспроизвести процесс через носовой платок. Платок только мешал, поэтому я, раздражённо обтерев скользкие солдатские щёки, отшвырнул его в сторону и принялся вдвухать в губы Деревягина порывисто глотаемый мною воздух, всем весом тела сотрясая его грудную клетку.

Время от времени приходилось останавливаться, чтобы передохнуть – в груди саднило, глаза застилала тёмные круги. Солдат по-прежнему не двигался, а я никак не мог определить, бьётся ли у него сердце, так как в моих висках так и не стихал мучительный стук.

Надежда и убывающие силы уже были почти на исходе, но тут мне показалось, что Деревягин судорожно сглотнул. Я припик к солдату, пытаюсь понять, не почудилось ли, как вдруг прямо в моё лицо хлынул поток зловонной блевотины.

Отпрянув, я заорал от неожиданности и омерзения, и тут меня самого принялось выворачивать наизнанку, вперемежку с дерущим горло кашлем, и снова бедным лёгким отчаянно не хватало воздуха. Рядом, раскачиваясь на коленях, продолжал исступлённо блевать водитель.

Наконец совершенно обессиленные, кое-как соскоблив с себя нечистоты, мы забрались в машину, крупно дрожа то ли от холода, то ли стремясь отряхнуться от объятий пристально заглянувшей в глаза смерти.

Разговаривать не хотелось, да и не было никаких сил. Мы сидели, в одинаковых позах, задрвав перекрещенные ноги к лобовому стеклу, не глядя друг на друга. Несколько раз накатывало ленивое желание поколотить солдата, однако эмоций хватило лишь на то, чтобы вяло выдавить из себя: – И каким же только говном вас, бля, кормят...

Буран утихал. Снег куда-то бесследно сдуло, песок уже не несло, но пронизывающий ветер был ещё силён. Всё небо затянули столь редкостные для Монголии тучи, и хотя было уже довольно светло, я так и не сумел понять, с какой стороны встало солнце, и определить направление нашего дальнейшего движения.

Несмотря на опустошённый желудок, от мерзкого вкуса во рту продолжало тошнить. Язык сделался каким-то шершавым и царапал нёбо. Наконец я вспомнил о самогонке, и мы через силу втокнули в себя по глотку, зажевав уже окаменевшим хлебом. Как ни странно, но от этого существенно полегчало.

Так, почти молча мы просидели весь этот день, периодически задрёмывая, время от времени спохватываясь и выскакивая из машины, или просто опуская стекло то с одной, то с другой стороны. Тепло из кабины выдувало буквально за считанные секунды.

К вечеру ветер почти стих, но тучи висели низко и, казалось, стали ещё гуще. С наступлением темноты кончился бензин в первом баке. Двигатель долго не хотел переключаться на второй, презрительно и

негодующе фыркал, но наконец, к огромному облегчению, всё-таки утробно заурчал.

Засыпать одновременно теперь было никак нельзя, поэтому мы установили двух-часовые смены, которые к утру постепенно сократились до получасовых. Голова почти перестала болеть, но вместо этого налилась какой-то чугунной тяжестью.

С приходом рассвета, своей мрачностью похожего на вчерашний словно родной брат, мы полезли на кузов проверить привязанную бочку с бензином – в ней оказалось чуть больше половины.

- Ох же и настучу я этому зампотеху по лысине! – мечтательно протянул я, но в голову всё более назойливо проникала предательская мысль: а доведётся ли ещё увидеть этого зампотеха?...

После лёгкого завтрака нас ожидало весьма хлопотное занятие – стащить бочку с кузова и перелить из неё горючее в пустой бак. Шланг, найденный водителем для этой цели, оказался слишком коротким, и за пару часов мы оба вдоволь наглотались бензина. Я опять мучительно проблевался, а вот солдату, похоже, бензин был вполне привычен – наверное, он мог бы его даже пить. Но топливо, как и все остальные припасы, необходимо было беречь.

Сделав экономный глоток неуклонно приближающегося к концу самогона, я небрежно задал Деревягину давно мучающий вопрос, словно неизлечимый больной исподволь интересующийся у врача, сколько ему осталось жить:

- И надолго хватает бака на холостом?

Водитель долго шевелил губами, чего-то прикидывая. – Ну, на до следующего вечера хватит, пожалуй.

Нельзя сказать, чтобы этот ответ меня сильно успокоил. Получалось, что если будем всё время стоять, то вроде бы немало. Однако ведь надо же ещё отъехать хотя бы километров на сто от этого места, как только распогодится! Но распоживаться пока что-то не собиралось...

До вечера мы просидели, тупо вглядываясь в проворно движущиеся, но никуда не девающиеся тучи, которые то становились как будто реже, а то сгущались опять. Порой казалось, что в местах светлеющих прогалов вот-вот появится солнце, однако они затягивались и через некоторое время прояснялось совсем в другом месте.

К ночи, нырнув рукой в мешок и долго шаря там среди каких-то ненужных вещей, я обнаружил единственную оставшуюся банку с этикеткой «Завтрак туриста. Рыбо-крупяной фарш». Эта смесь перловки с рыбьим жиром являла собой редкостную гадость, но сейчас она выглядела весьма и весьма привлекательной. Поколебавшись, я сунул её обратно.

- Это неприкосновенный запас. Съедим, когда с голоду совсем околевать станем.

Глотая слюну от мыслей о фарше, мы сжевали по паре безвкусных галет, которых тоже осталось всего пол-пачки. Хлеб, как и вода из фляжки, давно закончились. Хорошо ещё, что к борту кузова оказалась привязана огромная канистра с водой, грязнущей и затхлой, однако делать было

нечего – я кое-как фильтровал воду через найденный в глубинах мешка запасной носовой платок, моментально утративший стерильность, а Деревягин с гулким бульканьем пил прямо из канистры.

Оставалось, правда, ещё четверть банки самогона – тоже какой-никакой источник питательных веществ, однако в таком состоянии усталости, да ещё на голодный желудок, шутить с ней было опасно.

Ночь я провёл уже в каком-то полубреду, время от времени словно проваливаясь в глубокие подземные колодцы, откуда под утро на небе стали наконец видны первые звёзды.

Воспрянув, я уже не мог спать, с напряжением дожидаясь рассвета, и вот наконец над горизонтом с правой стороны стала шириться розовая полоска. Я растолкал водителя, он долго не мог ничего сообразить, но вдруг его лицо как солнцем озарило детское восхищение. Мы орали «ура!» и обнимались.

- Итак, Деревягин, довожу диспозицию, – забравшись в машину после краткого утреннего туалета, объявил я, назидательно поднимая палец. - Там – Восток, но нам туда не надо. Восток – дело тонкое, сейчас не для нас. Нам в сторону далёкой Родины, на северо-запад, то есть строго вон в том направлении. Едем не торопясь, в самом экономном по топливу режиме, внимательно смотрим по сторонам, и если замечаем хоть что-то знакомое – какой-то ориентир, или там характерную складку местности – тут же останавливаемся и пытаемся определиться по карте. Задача ясна?

Когда машина, бодро взревев, тронулась, я чуть не заплакал от счастья. Движение каким-то образом создавало иллюзию, будто наше испытание уже позади. Но радовался я очень преждевременно.

Весь день до рези в глазах мы сканировали расстилающийся кругом рельеф, стараясь найти хоть что-то, указывающее на наше местоположение в этом мире, но, казалось, словно нас ненароком занесло на другую планету. После бури маловыразительная местность выглядела и вовсе неузнаваемой – местами в низинках ещё лежал не унесённый ветром снег, что делало картину ещё менее привычной.

Когда-то по этим просторам в поисках своей Шамбалы³⁰ носилась дикая паназиатская конница безумного барона фон Унгерна³¹. Интересно,

---

³⁰ Согласно буддийским легендам, мистическое государство в окрестностях Тибета, в котором не действуют законы времени (иначе называемое "подземное королевство Агартти") – страна древних магов, из глубин своих пещер правящих миром.

³¹ Барон Роберт-Николай-Максимилиан Унгерн фон Штернберг (1885-1921) – потомок старинного рода крестоносцев, русский генерал, активный участник Белого движения. Был одержим сакральной идеей возрождения Паназиатской монархии в границах империи Чингисхана. Отличался безрассудной храбростью, склонностью к восточному мистицизму буддистского толка и патологической жестокостью. За восстановление независимости Монголии был удостоен титула хана и звания «великого батора». Монголы считали Унгерна перерождением Махагалы, шестирукого Бога Войны из разряда драхмапала – хранителя веры, устрашающего и беспощадного. Он изображался в диадеме из пяти

как же им удавалось тут ориентироваться? Впрочем, они больше жаловали алтайские луга севера да таинственные степи Внутренней Монголии³², а здесь в Богом забытой дыре для них ничего привлекательного не было.

Резон притягательности этой горной пустыни для советских военных весьма прямолинейно объяснил нам, молодым офицерам, начальник разведки 39-й армии полковник Попченко. В неформальной обстановке, а точнее за банкой самогона, отвечая на вопрос, ради чего мы губим здесь свои молодые годы, полковник, вытаращив в красных прожилках глаза, просипел: – Вы что и в самом деле не понимаете? Да отсюда нашим танкам до Пекина – под горочку – 2 дня ходу!...

Родина, при всём том, не особо заботилась о тех, кто прозябал на таком важном для неё стратегическом форпосту, причём ладно бы по забывчивости, а то ведь ещё въедливо пытаюсь экономить на любых мелочах. Я долгое время недоумевал, почему наш разведбат, основным оружием которого были «уши» антенн и пеленгаторов, располагался не на возвышенности, а наоборот в самой низине, что существенно снижало качество приёма радиосигналов. Ответ оказался унизительно прост: для батальона специально подыскивали такое расположение на высоте 1995 м над уровнем моря (о где ты, это самое море?!), чтобы не платить офицерам «горной» надбавки, полагавшейся с двух тысяч метров...

Вполне возможно, что когда-нибудь, следуя неисповедимыми путями развития мировой цивилизации, к этой неказистой земле снова вернётся её былое величие. На эту мысль меня навело случайное знакомство в поезде с двумя русскими геологами, занимающимися поисками воды по контракту с монгольским правительством. После второй бутылки водки, лихорадочно блестя глазами энтузиастов, они наперебой принялись рассказывать мне, как бродя по пустыне, постоянно натываются буквально на самой поверхности едва ли не на полный перечень полезных ископаемых.

- Да тут, если копнуть, и алмазы наверняка есть! Я нюхом чувствую! – хриплым шёпотом кричал старший, с обветренным до монгольской коричневооты лицом. – Кимберлитовые трубки – по всем признакам! Я уж не говорю про медь, никель, уран, нефть...

- Ну а чего монголы? Радуются, что вы попутно такие богатства им открываете? Премию-то хоть вам дадут за это?

- Да какой там! – в сердцах махнул рукой молодой. – Не отвлекайтесь, говорят, на всякую ерунду – воду ищите. Нам, говорят, эти ваши залежи ни к чему – нельзя, мол, сон земли тревожить...

черепов, с ожерельем из отрубленных голов, палицей из человеческих костей в одной руке и с чашей из черепа в другой.

³² Внутренняя Монголия – автономный район КНР. «Внутренней» её назвали не монголы, а китайцы, поскольку эта административная единица находится внутри Китая, в отличие от «внешней», т.е. суверенной Монгольской Народной Республики. Кстати сказать, по территории Внутренняя Монголия лишь немного уступает «внешней», зато по количеству живущих там монголов почти в 2 раза превосходит МНР.

Старший крякнул и полез за третьей бутылкой: – Ладно, Сашок, ты особо-то языком не трепи. Монголам не надо – найдутся те, кто за наши данные валютой заплатят. – Он любовно похлопал по висящему на шее толстому офицерскому планшету. – Тут у нас всё детально фиксируется.

Молодой с сомнением покачал головой: – Да уж, только как разрабатывать всё это будут в такой глухомани? Мы же не просто в задницу планеты – в самую что ни на есть её дырку забрались...

Мне настолько запало в душу это образное сравнение, что когда однажды в «Огоньковском» кроссворде я встретил определение «отдалённый, глухой участок местности» из четырёх букв, вторая «о», последняя «а», то долго сидел и тупо соображал, кто тут не в своём уме – составитель кроссворда, или я? Иного варианта, нежели «жопа» мне в голову так и не пришло. Впоследствии оказалось, что правильным ответом предполагалась «зона»...

Несколько раз солдат останавливал машину и пристально вглядывался куда-то, сосредоточенно шевеля губами, а я с надеждой озирался то вокруг, то на него, но потом его взор опять становился растерянным, и он виновато бормотал: – Не, показалось, ложбинка знакомая вроде, да не!... – и тряс головой, словно избавляясь от наваждения.

К вечеру надежда найти дорогу стала угасать. Радовало лишь то, что сейчас мы уже точно находились не на китайской территории.

Медленно темнело. Последний раз с отчаянием обведя взглядом затягивающийся тучами пустынный горизонт, я наконец решительно махнул рукой:

- Всё, Деревягин, стоять. Ехать в темноте смысла вообще нет, только бензин зря жжём. Да и куда мы с тобой едем? Ты знаешь? И я не знаю... Давай, забираемся вон на ту возвышенность и будем ждать там, пока кто-нибудь нас не найдёт. А наши наверняка уже ищут.

Под утро двигатель принялся всё чаще чихать, и грузовик при этом начинал трястись крупной дрожью. Мы переставили его под уклон, чтобы из бензопровода в мотор стёк весь бензин, но это было лишь конвульсивной отсрочкой обречённых.

Наконец, болезненно затрясшись, машина заглохла окончательно. В наступившей зловещей тишине было слышно лишь ехидно-торжествующее посвистывание ветра.

Некоторое время мы молчали. В моей голове так и не укладывалось то неизбежное, что всё-таки произошло. Наконец, вздохнув, я достал нашу последнюю банку рыбо-крупяного фарша. Надпись на этикетке – «Завтрак туриста» – показалась тонким издевательством.

Со скрежетом сталкиваясь ложками, мы в несколько секунд опорожнили жестянку, и запили роскошный завтрак несколькими глотками самогонки. Огонь, вспыхнувший внутри, снова возродил на время какую-то робкую уютную надежду...

Однако не прошло и часа, как из кабины выдуло всё тепло, и вскоре находиться внутри стало практически бессмысленно. Кабина, конечно, защищала от ветра, но соприкосновения с её ледяными металлическими частями, а главное – с одеревеневшим дерматиновым сиденьем будто высасывали остатки килокалорий из немеющего от неподвижности тела.

Я выгреб из вещмешка всю имеющуюся там одежду, или то, что могло бы служить одеждой. Среди кучи в основном бесполезного хлама нашлось и две пары домашних шерстяных носков. Поколебавшись, я нехотя протянул одну из них бойцу – носить их после него будет уже нельзя, но какой смысл сейчас что-либо экономить?

Деревягин с готовностью тут же скинул свои кирзачи, заставив меня едва ли не заорать от ужаса – оказалось, что его сапоги были обуты на совершенно босые чёрно-землистого цвета ноги. – Ты что это?! А почему без портянок?!!!

– Та не выдали, – как само-собой разумеющееся объяснил он. – Зампотыл сказал – нету.

Оказавшись на морозном воздухе, мы сначала долго прижимались к едва тёплому, казавшемуся ещё живым капоту, потом скакали словно макаки, укрываясь от ветра за машиной и с остервенением маша руками.

Первыми замерзать начали почему-то мысли. Они обречённо циркулировали по замкнутому маршруту, сужая круги, пока не выкристаллизовались в совершенно непродуктивную короткую цепочку: «...ну, что, конец? – нет, что-то надо делать! – но что делать? – делать нечего... – значит, всё-таки конец?... – нет-нет!»

– Что-то надо делать... – уже начинающим неметь языком промычал я, и тут взгляд мой упал на деревянный кузов машины.

– Идиоты... – простонал я, не веря простоте своего открытия. – Деревягин, какие-же мы с тобой идиоты! У нас тут дров на неделю, а мы с тобой очоченевать собрались. Есть у тебя топор или кувалда?

Водитель замедленно полез в машину, что-то недовольно ворча: – ...Вам-то што, а мне зампотех башку оторвёт... – донеслось до меня, и, рассвирепев, я наконец дал выход накопившемуся раздражению, хватив солдата по уху так, что он сорвался с подножки и растянулся на мёрзлой земле.

– Ты что, придурок?! – в бешенстве орал я. – Думаешь тебе вместе с цинковым ящиком благодарственное письмо на родину пошлют?! За сохранность вверенного имущества? Да я этого твоего зампотеха сам врыло вы.....у, за то, что он нас без бензина оставил! Да ещё и водителя-кретина подсунул!...

С Деревягина мигом слетело его сонное недовольство. Вскочив на ноги, он засуетился, время от времени потирая ушибленное ухо. – Да я што? Да конечно, сейчас мигом раскидаем на дровишки! – бормотал он, извлекая из-под сиденья какие-то железяки. – А то што-ж? Машина, значит, нехай целенькая стоит, а мы – змерзни?...

Мы довольно споро разломали деревянный кузов и сложили дровяшки штабелем с подветренной стороны, тщательно собрав даже

самые мелкие щепки. Работа, а главное мысль о её результате согревали нас, и даже сосущее чувство голода казалось не столь мучительным.

Наконец весёлое пламя, затрещав, охватило аккуратный шалашик, сооружённый из того, что ещё недавно было кузовом машины. Сперва мы как дикари с гиканьем плясали вокруг нашего костра, но постепенно восторг начал угасать. Дров поначалу казалось много, однако чтобы костерок давал какое-то реальное тепло приходилось почти непрерывно подбрасывать туда новые и новые плашки, и очень скоро я понял, что сильно переоценил потенциал наших дровяных ресурсов.

Уже к полудню стало ясно, что нам не дотянуть даже до вечера, к тому же вновь поднявшийся ветер вырывал прямо из ладоней пляшущие лоскуты тепла. Мы придвигались к кострищу всё ближе, обжигаясь, но всё глубже засовывая руки в быстро остывающую золу.

Снова надо было что-то предпринимать, но мысли работали уже совсем лениво. – Пстой-ка, Деревягин, ведь в баках ещё должно остаться хоть чуток бензина?

- А што бензин? – шмыгнул закопчённым носом боец. – От него не согреешься.

- Давай машину разувать! У нас же целых шесть колёс и ещё запаска! А с бензином мы их как-нибудь тоже раскочегарим.

Водитель молча полез искать ёмкость. Было видно, что в эту затею он не очень-то верит. Чтобы освободить банку, мы наконец допили самогон, и Деревягин в течение часа с помощью всё-того же шланга, плюясь, насосал туда литра полтора бензина.

Мы сняли первое колесо и облили его горючим с одной стороны. После едва ли не сотни безуспешных попыток крышка наконец лениво занялась. Поначалу тепла она не давала никакого, потом медленно разгорелась, густо чадя липким дымом. Очень скоро мы стали неотличимы друг от друга, равномерно покрывшись жирной чёрной копотью.

Бессонная ночь тянулась мучительно долго. Крышки горели гораздо медленнее, чем дрова, но и толку от них тоже было куда меньше. А после этого никаких источников тепла у нас не оставалось.

Было уже совсем светло, когда я бросил в едва тлеющую гору сажи кумачовую урну с бюллетенями и выплеснул на неё остатки бензина. Сочетание красного с чёрным совершенно некстати вызвало какие-то похоронные ассоциации...

Я совершенно чётко осознавал, что наступающий день скорее всего окажется последним в моей жизни. Если до вечера не случится какого-нибудь чуда, ещё одну ночь нам уже не пережить. Однако просто лечь и покорно ждать смерть казалось несправедливо унижительным.

Какое-то время мы сомнамбулами бродили вокруг остова машины, пока я наконец не принял решение, и остановился перед солдатом.

- Так, рядовой Деревягин. Слушай приказ: сейчас мы берём оружие и расходимся. Шансов очень мало, но всё же больше, чем торчать на одном месте вдвоём.

Деревягин молча смотрел на меня, и выражение его совершенно чёрного лица было невозможно определить, однако оно казалось комичным из-за мигающих время от времени белков глаз.

- Будем двигаться большими кругами вокруг машины: ты по часовой стрелке, я – против. Далеко от машины не удаляться – если будут искать вертолётными, она более заметна, чем мы. Ну и чтобы услышать выстрелы, если вдруг что. Стреляй короткими очередями. А в моей пукалке, – я достал из кобуры свой «ПМ», – всего 8 патронов. Буду сажать парами, прислушивайся.

Боец постоял, будто ничего не понимая, затем вздохнул и полез в кабину за автоматом. При каждом движении от него разлетались хлопья сажи.

- Ну что, пошли, – сказал наконец я. – Береги силы. Удачи... нам обоим!

Оглядываясь друг на друга, мы медленно расходились в разные стороны, пока силуэт Деревягина не исчез за вершиной невысокого холма.

Меня неожиданно вновь охватил бесконтрольный ужас от уже испытанного ощущения, будто я остался совсем один на этой Земле. Я бросился было назад, но потом остановился и покрутил головой. Наверное, свои последние часы следует провести достойно. Ведь что ещё останется от меня на свете совсем уже скоро, кроме кружащих в монгольских небесах мыслей?

Я брёл не останавливаясь часа два или три. Казалось, что если я замедлю шаги, то мои ноги просто откажутся идти дальше безо всякой цели и смысла. Немного тревожило, что Деревягин мне почему-то так ни разу и не встретился, но я лениво решил, что солдат наверняка перепутал инструкцию и просто идёт в том же направлении, что и я.

Время от времени с левой стороны вдалеке возникал наш грузовик без кузова и колёс. Там продолжал виться реденький дымок, что создавало иллюзию всё ещё теплящейся жизни и внушало отчаянную надежду.

Один раз я даже зачем-то подошёл к машине, но вся задымлённая, вблизи она оказалась ещё менее привлекательной, чем издали. Единственным ярким цветовым пятном осталась так и не сгоревшая урна, и повинувшись странному чувству раскаяния за проявленную политическую несознательность, я зачем-то нагнул и прихватил её с собой.

...Силуэт на вершине далёкого пригорка появился неожиданно. Я долго тёр глаза, хотя и решил сперва, что это Деревягин, но всё же пытаюсь разглядеть объект получше. Вскоре можно было видеть, что силуэт гораздо крупнее человека и медленно движется в моём направлении.

Сердце моё бешено заколотилось, и я рванул к нему навстречу, однако заставил себя остановиться. А вдруг это кулан или дикий верблюд? Его ни в коем случае нельзя спугнуть. Если он подойдёт достаточно близко, я, пожалуй, смогу уложить его из своего «макара», и значит у нас будет несколько литров тёплой крови и, наверное, даже сырое мясо удастся как-то прожевать. Это удлинит жизнь ещё на пару дней, а то и больше...

Я присел на одно колено, стараясь казаться менее заметным. Эх, где-же ты мой пропитый «цейссовский» бинокль деда... Наконец стало видно, что это действительно верблюд, он шёл напрямиком на меня, и вдруг я совершенно отчётливо разглядел, что на нём кто-то сидит!

Вскочив, я заорал что-то, маша руками, хотя в этом не было никакой нужды – седок явно видел меня. Торопливо сдвинув пистолетный предохранитель, я выстрелил в воздух два раза – надо же дать знать Деревягину, если он не ушёл слишком далеко. Однако от выстрелов всадник остановился, возможно восприняв мои действия как угрозу.

Я чуть не потерял рассудок от мысли, что он сейчас развернёт своего верблюда и так же неспешно скроется за горизонтом, и снова уже плавно замахал руками, стараясь, чтобы это выглядело как можно дружелюбнее.

Наконец монгол снова неторопливо двинулся ко мне и вскоре остановился, бесстрастно изучая меня своими узкими глазами, мало чем отличающимися от глубоких морщин, изрезавших обветренное лицо.

- Сайн байну, кампан!³³ – прокашлявшись, прохрипел я. – Я – русский офицер, заплутали мы тут на ваших просторах...

- Вижу, что не африканский, – на весьма внятном русском спокойно ответил он. – А я сижу утром, чай пью, смотрю – дым какой-то на горизонте. Откуда, думаю, дым? Тут кроме нашего стойбища никого больше нет. Чай допил, думаю, надо поехать посмотреть, однако...

Было похоже, что он так и собирается, восседая на верблюде, дружелюбно беседовать со мною до вечера, а потом, пожелав спокойной ночи, удалиться на своё стойбище.

- Кампан, тут у меня ещё солдат, цирик, – не совсем вежливо прервал его я. – Совсем больной, голодный, только найти его нужно. Его срочно надо в тепло, чаю горячего...

Какая-то непонятная щепетильность не позволила сказать, что горячего чаю и много-много жратвы требуется в первую очередь мне. К счастью, на этот раз монгол уяснил, что от разговоров действительно пора перейти к делу. – Ну, будем искать, однако, – рассудительно заявил он, швырнув мне увесистый кожаный мешочек, и разворачивая верблюда.

Мешочек, похожий на высушенный желудок какого-то животного оказался небольшим бурдюком, полным кумыса. Шатаясь, я побрёл за монголом, на ходу жадно глотая кумыс, сжимая под мышкой бесполезную урну, и толком не веря в своё чудесное спасение. Мотыляющийся перед моим лицом облезлый хвост верблюда с присохшим к нему сухим помётом казался самым прекрасным зрелищем из всех виданных до этого в жизни.

Через некоторое время я услышал впереди лихорадочную автоматную пальбу и недовольно поморщился – ну сказал же придурку: короткими очередями!

Деревягин неуклюже полулежал на боку, даже не попытавшись встать при нашем приближении. Его угольно чёрная физиономия и развевающиеся на ветру лохмотья обгорелой одежды вызвали ассоциацию с огнепоклонником из какого-нибудь папуасского племени, и до меня наконец дошёл смысл шутки монгола.

---

³³ Добрый день, друг! (монг.)

- Ну и чего разлѣгся, солдат? Пошли заглянем в гости, вот товарищ приглашает.

- Да чогось ноги не йдутъ, – едва разжимая губы, прошелестел боец.
– Не чую их зовсим.

- Ох, рядовой Деревягин, обленился ты вконец! – Я виновато посмотрел на нашего спасителя. – Извини, отец, не знаю как тебя зовут, позволишь твоим транспортным средством воспользоваться? Сам он уже никуда не дойдѣт.

Вдвоѣм с Цэрэном мы с трудом взвалили солдата на верблюда, после чего в моих глазах поплыли какие-то мерцающие круги, и дорогу до стойбища я помню очень смутно. Мерно покачивающийся хвост верблюда прекрасным уже не казался...

Наконец я увидел уже совсем вблизи несколько одинаково белых юрт, из которых высыпала небольшая разноцветная толпа взрослых и детей, молча наблюдающих за нашим приближением. В таком же немом ожидании застыли стоящие рядом верблюды и лошади.

Никто не выказал никакого удивления, не принялся шуметь и суетиться, как это принялись бы делать арабы. Деревягина ловко стащили с «транспортного средства» и перед входом в юрту сняли с него всю прожѣнную, закопчѣнную одежду, с которой клочьями продолжала сыпаться сажа, завернув солдата в парчовый зелёный халат. Мне, после избавления от своих обгорелых лохмотьев, досталась атласная хламида неуместно праздничного вишнёвого цвета (дурачки гармонирующим с алой урной), расшитая круглыми этническими узорами в виде орнаментальных печатей.

Внутри юрты, где было по-райски тепло и чисто, уложенному на войлочную кошму бойцу женщины проворно мазали ноги горячим бараньим жиром. Сейчас этот запах показался мне до умопомрачения уютным и домашним. Почудилось, будто теперь я понимаю, какие чувства испытывает Жамьянмядаг, возвращаясь после своих европейских странствий в юрту, где родился и вырос.

- Обморозился немного, – скупое пояснил мне Цэрэн манипуляции монголоков. – Ничего страшного, ходить будет. Сейчас пельмени подадут горячие, хотите?

Понимая, что по правилам восточной вежливости наверняка следовало бы раза два-три отказаться, я тем не менее не смог совладать с собой и, сглотив слюну, нервно кивнул. Перед нами незамедлительно возник эмалированный тазик с огромными круглыми пельменями, окутанными восхитительно ароматным паром.

Сдерживая искушение тут же жадно наброситься на это великолепие, я опустил глаза и, наткнувшись взглядом на свои воронѣные руки, невольно огляделся в поисках хоть какого-то подобия рукотойника. Разумеется, ничего похожего я не обнаружил, однако Цэрэн разгадал моё желание и что-то сказал одной из женщин.

Та с поклоном, немедленно протянула мне казанок со всё ещё дымящимся бараньим жиром, которым она только что растирала солдатские ноги. Не на шутку злясь на себя за свою так никуда и не

девшуюся брезгливость, я тоже изобразил подобие книксена и решительно погрузил ладони в густую тёплую жижу, что по ощущениям оказалось достаточно приятным. После меня тем же макаром в казанке помыли руки ещё несколько человек. Следуя их примеру, руки я вытёр о полы халата.

- Пусть еда будет вам на пользу! – изрёк Цэрэн традиционное монгольское пожелание, протягивая мне обеими руками первый пельмень, и мы с Деревягиным, разве что не вырывая тазик друг у друга, накинулись на еду.

В стоящих перед нами пиалах появилась какая-то мутноватая жидкость. – Что это? – подозрительно поинтересовался я.

- Архи, – невозмутимо объяснил Цэрэн, подливая мне в пиалу из чайника.

- Архи – это же водка, - не совсем поверил я.

- О, это не та архи, что в магазине! Это – настоящая архи, из кумыса. Мы её хитрой водкой зовём.

Уважительно обеими руками приняв пиалу, я всё-таки быстро понюхал содержимое, прежде чем выпить. Пахла водка не очень, вдобавок была подогретой, однако после первого глотка внутри медленно растеклось блаженное тепло. Тогда я ещё не знал о существовании сакэ.

Тазик опустел быстро. – Ещё? – радушно улыбаясь, спросил Цэрэн. Подавив в себе остатки скромности я снова кивнул. – Да, если можно. Очень вкусно!

Пока Цэрэн по-хозяйски давал какие-то указания женщинам, я встал и неторопливо прошёлся по кругу, осматривая гэр³⁴. Надо признаться, что за все предыдущие монгольские годы я ни разу не попадал в юрту в трезвом виде, и потому весьма смутно представлял себе её устройство.

Несмотря на толстые войлочные стенки и отсутствие окон, не считая решётчатого отверстия по центру крыши, внутри жилища было даже светлее, чем снаружи, где уже опять сгустились тучи. Юрта разделялась перегородками на несколько отсеков, и даже при почти полном отсутствии мебели, за исключением сундуков и нескольких полок, в ней было довольно уютно, и я бы даже сказал стильно. Всё казалось очень функциональным и продуманным, приятно поражал порядок и минимализм интерьера.

Кухонный отсек, где готовились наши пельмени, находился справа от входа, и я с любопытством заглянул туда. Моя любопытство было строго наказано...

На очаге дымился хорошо знакомый казанок, а перед ним на шкурах сидели две сгорбленные старухи и готовили фарш для наших пельменей. Деловито разжевывая крупно нарезанные куски мяса, они смачно выплёвывали результат на раскатанные лепёшки из теста, ловко скручивая края...

Поначалу я не поверил своим глазам, но потом до меня дошло, что в юрте и на самом деле нет ни одного стола, куда можно было бы прикрутить мясорубку. С трудом сдерживая рвотные позывы и проклиная

---

³⁴ Юрта (монг.)

свою любознательность, я вернулся назад, где Деревягин всё бессвязнее и громче отвечал на расспросы Цэрэна.

- Отец! – проникновенно произнёс я, прикладывая к груди обе руки. – Спасибо за всё, но мы уже не хотим ни есть, ни пить. Всё, что нам сейчас надо – это немного поспать.

- А я бы ещё пельмешек эта... навернул бы! – бесцеремонно встрял раскрасневшийся Деревягин. – И архушечки ещё можно, правда Сурэн?

Я как можно незаметнее пнул солдата. – Мой юный спутник слишком устал, чтобы понимать, чего ему на самом деле нужно. Поэтому ещё раз сердечно благодарим за ваше гостеприимство, и просим показать место, где мы могли бы, никому не мешая, отдохнуть.

Сон в углу юрты на грубой подушке, набитой бараньей шерстью, под тихий говор кочевников остался в памяти как один из самых блаженных моментов в моей жизни...

Когда нас разбудили, было уже совсем темно, поэтому я долго не мог взять в толк, зачем мы должны вставать и опять куда-то идти. Наконец до меня дошли объяснения Цэрэна, что в нашу честь старейшины устраивают пир, и присутствовать надо обязательно. Ох уж мне это народное гостеприимство...

Мне любезно принесли воду, правда подогретую всё в том же бараньем казанке, но тем не менее я наконец-то смог как следует умыться, с благодарностью ощутив себя после этого процесса самым чистым человеком на свете.

Водка и действительно оказалась хитрой – несмотря на то, что мы проспали как минимум часа четыре, я чувствовал себя до сих пор навеселе. Судя по всему, ещё веселее ощущал себя Деревягин. Он непрерывно глупо хихикал, и стоять на ногах по-прежнему отказывался.

Идти, к счастью, пришлось недалеко – в соседнюю юрту. Под её пологом таинственно мерцало пламя светильников, и изнутри она казалась огромной дворцовой залой. Вокруг дымящих чанов с игриво высывающимися оттуда тушами баранов суеилось на удивление много людей, по-видимому все обитатели становища – и я почувствовал неуместную гордость оттого, что своим появлением доставил им такой праздник.

Мне тут же поднесли огромный бараний крестец, с которого обильно текал горячий жир. К счастью, я помнил, что мне как почётному гостю полагается делать: отрезая по ломтику поочерёдно то с правой, то с левой стороны, я оделял всех толпящихся вокруг меня, исподволь отпихивая при этом настырно тянущего свою чёрную ручищу Деревягина.

Собравшиеся перешли к здравицам и славословиям. Практически всё, что они несли, так мало соотносилось с действительностью, что я несколько раз усомнился в том, знают ли они вообще, кто мы, и что Цэрэн нашёл нас нынешним утром почти околевшими от голода и стужи. Особенно повеселил меня тост: «Радостен тот хозяин, у юрты которого всегда стоят на привязи кони приезжих!» Я вспомнил о нашем

разукомплектованном, дымящемся коне в нескольких километрах отсюда и не сумев сдержать глумливой ухмылки, опустил глаза.

По законам приличия требовалось сказать что-то в ответ. Мне предупредительно протянули мою кем-то почищенную офицерскую шапку (в нашем повседневном обиходе пренебрежительно именуемую «пидоркой»), и я нахлобучил её на макушку, поскольку по монгольскому этикету надетый головной убор выражает почтение хозяевам. В шапке с кокардой и пунцовом халате я наверняка смотрелся комично, однако, судя по наступившей внимательной тишине, никто из присутствующих так не считал.

Загнув для начала нечто политически корректное о многовековой русско-монгольской дружбе, я вскоре решил, что пора добавить и что-нибудь широкое, от души: - Если вы заблудитесь в Москве или вам негде будет привязать там своих верблюдов – найдите меня, и мой дом будет вашим домом!

В конце своего идиотского тоста я невольно представил себе картину того, что несусь, и извинительно улыбнулся, как бы приглашая всех вместе посмеяться над этим гротеском, однако мои слова были встречены гулом серьёзного одобрения. Видимо ещё со времён Чингиз-Хана визит в Москву не казался им такой уж невероятной затеей.

Следом выступило ещё несколько ораторов, едва ли не слово в слово повторивших только что сказанное мной. Вероятно в таком алаверды заключался какой-то неведомый мне ритуальный способ показать уважение к гостю. Деревягин во время произносимых речей всё время что-то непрерывно ел, и мне нестерпимо хотелось дать ему по рукам.

В сумрачной глубине юрты на почётном возвышении из подушек восседал дряхлый старец, меланхолично сосущий длинную трубку. По тому, как почтительно относились к нему все остальные, было понятно, что это – патриарх семейства. Я сразу решил держаться от него подальше, ибо в моём представлении именно так должен был выглядеть классический больной, насквозь изъеденный застарелым сифилисом.

Моя скромность, однако, была истолкована превратно – едва я, утратив бдительность, встретился с ним взглядом, как он одобрительно кивнув, поманил меня трясущимся когтеобразным перстом. Растерянно оглянувшись, я попытался сделать вид, будто не понял смысла жеста, однако нетрезвый гул в юрте моментально стих, и все уставились на меня, точно обнаружив впервые. Старец просипел что-то невнятное и настойчиво указал в моём направлении.

– Старый Баяндорж заговорил! Баяндорж что-то сказал! – понеслось по юрте, и стоявшие рядом со мной монголы, вовсю кланяясь, принялись подталкивать меня в направлении деда.

– Он заговорил! – с благоговением шептали вокруг. – Это огромная честь, ведь он молчал целых два года! Баяндорж – великий мудрец, он живёт на свете почти 60 лет!

Я снова напялил шапку и с опаской приблизился к разваливающемуся деду, который даже сделал попытку подняться, но, к счастью, ему это не удалось. Тогда он просто пыхнул трубкой ещё раз и царственно протянул мне её обмусоленный конец.

– Баяндорж предложил гостю свою трубку! – зашелестело вокруг ещё громче. – Какая великая честь! Он никому не давал свою трубку уже 8 лет!...

У меня едва не помутилось в голове от отчаяния. Наверное, я предпочёл бы сейчас вновь очутиться голодным посреди пустыни на пронизывающем зимнем ветру, чем прикоснуться губами к этому измочаленному старческими дёснами мокрому чубуку...

Однако, судя по боголепной реакции монголов, никакие отмазки, типа «спасибо, я не курю» или даже «курение опасно для вашего здоровья», сейчас просто не подействовали бы без риска навсегда испортить монголо-советские отношения.

Внутренне съёжившись я с содроганием принял, как и полагается обеими руками, трубку из пятнистых рук старика, и решительно поднёс ко рту, стараясь одновременно изобразить восторг признательности, и в то же время не приблизить её к губам на расстояние прямого прыжка изготовившихся бактерий.

Вокруг пронёсся вздох то ли восхищения, то ли зависти, и выдержав несколько томительных секунд, я с тщательно скрываемым облегчением вернул курительный прибор старцу.

Курил он, видимо, нечто реально крутое, ибо даже от окутывающего трубку фимиама, который я всё-таки нечаянно вдохнул, у меня сначала защипало в глазах, а потом вдруг полыхнуло изнутри каким-то голубоватым сиянием, на мгновение озарив до микроскопических деталей самые тёмные уголки юрты, а заодно и тайники сознания всех присутствующих. Надо признать, ничего интересного ни там, ни там не оказалось...

Последнее, что я помню из этого экзотического фуршета, был разговор с Цэрэном, когда я наконец осмелился задать ему неотвязно мучающий вопрос: – Скажи, отец, ну понятно, что мясорубок у вас нет, но ведь мясо для пельменей можно и ножами резать? Зачем для этого старух напрягать? Им ведь и жевать-то нечем...

Запомнился сочувственный взгляд Цэрэна, которым он посмотрел на меня как на мало что понимающего в этой жизни ребёнка: – Самые вкусные пельмени – это когда их делают бабушки, – терпеливо разъяснил он. – У них зубы не такие острые, а слюна, наоборот, липкая, там в ней особые ферменты, – неожиданно употребил он на мгновение отрезвившее меня слово, – Пожёванное бабушками мясо если ещё чуть полежит – даже не сваренным есть можно...

Практически без перерыва после его слов в мои уши ворвался какой-то свистящий грохот. Долго отмахиваясь от него, я наконец осознал, что уже совершенно светло, а источник грома трепыхающейся тенью висит прямо над нашей юртой.

Я сел и тряхнул головой. Слово повинаясь моему движению, вертолётная тень вместе с грохотом отдалилась куда-то в сторону. Вздораженный Деревягин уже стоял на карачках у входа в юрту, где слышалась громкая русская речь.

Встрепенувшись, и ещё неважно соображая, я торопливо выгреб из бумажника все имевшиеся там деньги, едва не прихватив партбилет, однако отдать их просто так мне показалось неэтичным, и потому пришлось протолкнуть бумажки в щель наконец-то нашедшей своё предназначение урны. Следом с приглушённым стуком шлёпнулись на её дно не без сожаления стянутые с руки ливийские «сейки», после чего я всучил кумачовый ящик входящему в юрту Цэрэну.

- Ваши прилетели, – без улыбки сообщил он мне, с поклоном принимая урну. – Барана возьмёшь?

- Спасибо, отец! – растроганно ответил я, – Но у меня уже есть один...

Загружаемый в вертолёт Деревягин в монгольском халате и с автоматом был похож на афганского душмана. На кого походил я – не знаю, но вертолётчики почему-то больше всего скалились, поглядывая именно на меня.

- А можно объяснить, что тут смешного? – усаживаясь на оружейный рундук и запахивая полы, хмуро поинтересовался я вместо приветствия.

- Извини, брат, – пряча охальную ухмылку, примирительно крикнул мне в ухо командир. – Вчера порнографический журнал с гейшами смотрели – там основная ну точь в таком же красненьком халатике зажигала!

Винтокрылый монстр, накренившись, приподнялся над стойбищем, шуганув струёй ветра и без того орущих и рвущихся с привязей верблюдов.

- Баярлаа, баяртэ!³⁵ – запоздало заорал я в проём незакрытой двери, маша рукой.

Вряд ли Цэрэн услышал меня, но тоже что-то крикнул в ответ и махнул ладонью. Под мышкой у него переходящим красным знаменем пламенела избирательная урна...

Уже высоко над землёй, я застонал от стыда, вдруг сообразив, что даже не объяснил ему, как меня можно найти. Впрочем, уже месяца через три я наконец заменюсь отсюда, и кто знает, какой у меня будет адрес кроме очередной полевой почты? Ну а спрашивать его местожительство, а тем более номер телефона было бы совсем нелепо...

Взглянув на Деревягина, я заметил в его руках засаленный журнал с гейшами и в негодовании отвернулся.

С воздуха я даже не сразу узнал наш медсанбат, вокруг которого кипело какое-то нервное оживление. На пустыре перед одноэтажным баракom, вращая лопастями, стояло сразу несколько вертолётom, рядом выстроились БТРы, отчаянно пыля носились какие-то УАЗики.

- Это что, неужели из-за нас такой кипеж? – недоверчиво поинтересовался я у вертолётчика.

- Да ну, скажешь тоже! – снисходительно ответил тот. – Тут и без вас такие дела творятся! Вам, можно сказать, повезло, что весь наш полк по тревоге сегодня ночью подняли. Искали-то мы и не вас вовсе...

---

³⁵ Спасибо, до свидания (монг.)

Пока мы мучительно долго сидели в приёмном отделении, словно яркие попугаи сия оперением посреди камуфляжной стаи воробьёв и вызывая улыбки пробегающих медсестёр, нам полушёпотом рассказали, что произошло в гарнизоне минувшей ночью.

Оказалось, что двоих бойцов из нашего ОСНАЗа, один из которых был земляком Деревягина, за побег посадили на губу, располагающуюся прямо по соседству. Побег был повторным, поэтому их ожидал трибунал и штрафбат, что в общем-то являлось вполне заурядным событием. Однако на гауптвахте они оказались в одной камере с двумя чеченцами, которые быстро убедили их, что ждать, пока засадят в тюрьму смысла нет, поскольку из тюрьмы убежать трудней. План действий был составлен тут же.

Заманив в камеру часового, заговорщики задушили его, завели медсанбатовский «УАЗик» и направились в наш батальон, где дружбаны гостеприимно открыли им оружейку. Те загрузили автоматы, гранатомёты, несколько цинков с боеприпасами, залили бензин и рванули на север к советской границе. Чеченцы уверяли, что стоит лишь добраться до Кавказа, а там «братья сделают документы, подыщут хороших жён, жить будем как люди».

Чтобы чувствовать себя увереннее, они на всякий случай прихватили заложниками попавшуюся по пути семью монголов с маленьким ребёнком.

Прежде чем беглецов обнаружили, они успели доехать почти до Улан-Батора. Операцией захвата зачем-то решил лично руководить командующий 39-й армией генерал Мамонтов. На перехват была поднята вертолётная эскадрилья, но дезертиры открыли шквальный огонь и изрядно подырявили несколько машин. В общей суматохе вертолёт командующего, зацепившись лопастью за сопку, упал, погребя под обломками молодого командарма.

После этого был дан приказ открыть огонь на поражение, и несколькими ракетами медицинский УАЗ разнесли в клочья. Чудом остался жив лишь земляк Деревягина и искалеченный монгольский ребёнок.

- Да уж... - пробормотал я ошарашенно, - Ну теперь жди крутых разборок – звёзды с погон у многих полетят! Получается, что нам с тобой крупно повезло, Деревягин: ты мог бы легко оказаться на месте своего земели, а я ещё легче – на месте дежурного по батальону...

Наконец мы были провожены к врачу. Брезгливо пригнувшись, тот долго осматривал нас с головы до ног, время от времени прикрикивая на Деревягина, потом вдруг приказал срочно привезти для того каталку.

- Ну что, батенька, с вами вроде бы всё в норме, что даже странно, - устало сообщил он мне. – Полежите ещё у нас дня два-три для порядка, потом отпустим. А вот у солдатики вашего обморожение обеих нижних конечностей. Пальцы, придётся немедленно ампутировать...

К вечеру ко мне в палату заявился майор Кацапенко. Красные глаза замполита бегали с какой-то противоестественной скоростью, и я даже удивился, что его тут же не госпитализировали в психическое отделение.

- А урна где? – начал он прямо с порога без обычных предисловий. Сопровождавшая его медсестра услужливо указала ему на стоящую у входа плевательницу, но он раздражённо отмахнулся. – Опечатанная! И бюллетни, само главно – бюллетни...

Я молча смотрел на него, лёжа на кровати поверх одеяла.

- Товарищ старший лейтенант! Я вас спрашиваю!!! – эпилептически затрясся замполит. – Где?!

- Урны, как и бюллетеней больше нет, – голосом скорбящего Левитана сообщил я. – Использованы для обогрева личного состава в экстремальных условиях.

- Да вы что!!! – бессильно опустил на табуретку майор. – Это-ж документ строгой отчётности! Я-ж уже в политотдел армии доложил, что результаты выборов проведены единогласно...

- А зачем же вы раньше времени рапортуете, товарищ майор? – тихо поинтересовался я. – Я же вам ничего не докладывал? Теперь вот отвечайте за свои слова.

Замполит подскочил и забегал по палате. – Да я вас... под суд... партийный... за срыв выборов... – вырывалось из него, вперемежку с клецанием зубов.

- Я так думаю, товарищ майор, что сейчас это не в ваших интересах, – участливо посоветовал я, – Ввиду сложившейся военно-политической обстановки. Предлагаю вам такой вариант: вы молчите – и я молчу. Срыв выборов – дело серьёзное, такой резонанс вам уж точно сейчас ни к чему.

Кацапенко заморгал глазами, не доверяя моему серьёзному виду: – А не подведёшь? – жалобно спросил он. – В политотделе армии не прознают?

- Слово коммуниста, – заверил его я, для пущей убедительности вновь левитанским голосом.

Вслед за Кацапенко в палату ввалились обитатели чудильника с двумя точными копиями «галлона» самги, сослужившей столь добрую службу в пустыне. Пили в основном за моё чудесное спасение, не забывая время от времени поднять стаканы за то, что теперь-то уж нашего придурочного комбата снимут наверняка. Налили «обезболивающего» и прооперированному Деревягину.

Через три дня на военном аэродроме в Сайн-Шанде приземлился личный самолёт Министра обороны СССР Соколова³⁶. На счастье местных командиров престарелый маршал даже не смог сойти по трапу – разыгралась пыльная буря, и офицеры являлись на доклад в самолёт министра в противогазах или с пластиковыми пакетами на головах – носящийся в воздухе песок мгновенно иссекал в кровь неприкрытые участки кожи. Маршал был настолько потрясён нечеловеческими

---

³⁶ Министр обороны СССР с 1984 по 1987 г. Родился в 1911 г., и был жив на момент написания книги (апрель 2012), хотя ещё в 1984 году многие считали его ходячей развалиной.

условиями, в которых служат его войска, что в тот же день улетел обратно в Москву, повелев «самим разбираться в этом бардаке».

Комбата так и не сняли. А ещё через несколько дней нас срочно собрали на партийное собрание. Скучно-рутинная повестка дня – «О службе войск» – не предвещала ничего достойного внимания, и потому я как обычно засел в задних рядах с припасённой книжицей Трифонова, первое время даже не пытаюсь прислушиваться к тому, что долдонят выступающие. Однако вскоре долетающие обрывки фраз заставили меня отложить книгу и с возрастающим интересом погрузиться в происходящее.

А происходило нечто странное. Оказалось, что во всём том чудовищном, что случилось в нашем батальоне, виноват только один человек – да и то не командир, и даже не замполит, а почему-то лишь начальник штаба!

Сама по себе абсурдная постановка вопроса усугублялась ещё и тем, что это в один голос несли все поднимающиеся на трибуну, а сам обвиняемый майор Свечников сидел с потеряннным видом, опустив голову, и не пытался вставить ни слова в свою защиту. Особенно возмутило меня то, что из всего командного состава батальона именно Свечников был, хотя и далеко не безгрешным, но всё же наиболее приближающимся к человеческому облику персонажем.

- Ну что, товарищи, все выступили? – дёрганым троллем возник на трибуне тощенький секретарь парторганизации. – Переходим к голосованию. Кто за исключение майора Свечникова из рядов КПСС за грубые упущения в работе с личным составом, вылившиеся в чрезвычайное происшествие? Прошу голосовать!

Я присвистнул так, что все собравшиеся, опустив руки, недоумённо оглянулись на меня. – У вас там что, своё мнение имеется, товарищ Баженов? – возмущённо поинтересовался секретарь. – А то я смотрю, вы там совсем зачитались.

- Имеется, – угрюмо ответил я и встал. – Разрешите выступить?

- Пожалуйста, пожалуйста, – услужливо уступая мне место, затараторил тот. – А то что-то молодых коммунистов совсем не слышно сегодня.

С трибуны я обвёл взглядом всех присутствующих. Меня поразило, насколько одинаково отрешёнными были лица сидевших в зале, и каким самодовольным торжеством светились физиономии восседавших в президиуме. Судьба Свечникова, похоже, была predetermined. Козёл отпущения найден.

- Я не понимаю, – тихо заговорил я. – Почему говоря об упущениях в работе с личным составом, мы называем сегодня лишь имя начальника штаба. Я не понимаю, почему именно на него перекладывается вся ответственность за случившееся. Я не понимаю, почему никто не осмелится сказать, что отвечать за всё в первую очередь должны командир и замполит батальона...

- Вы, товарищ Баженов, вообще много чего не понимаете! – бесцеремонно прервал меня секретарь, вздымаясь под гул возмущённых голосов. – Эти вопросы не стоят сегодня на повестке дня. Из политотдела

армии поступило указание – найти и наказать виновных, поэтому мы и разбираем персональное дело коммуниста Свечникова. У вас есть что сказать по существу?

- Есть, – упрямо заявил я. – Что касается дела коммуниста Свечникова, я считаю, что его следует снять с повестки дня, поскольку как в служебном, так и в моральном отношении он заслуживает куда меньше упрёков, чем наш командир или замполит!

Теперь в зале орали уже практически все. Преобладала, конечно, негодующая тональность, однако меня порадовало то, что между некоторыми завязалась ожесточённая полемика. Сделать больше было уже вряд ли возможно, поэтому я сошёл с трибуны и провожаемый раздражёнными выкриками вернулся на место, где демонстративно извлёк Трифонова, старательно избегая по-волчьи загнутого взгляда начштаба.

Партсекретарь беспомощно озирался с трибуны на президиум, где комбат и Кацапенко яростно нашёптывали что-то друг другу на ухо. Наконец замполит приподнялся и забарабанил карандашом по графину:

- Тихо, тихо, товарищи! Поступило предложение после голосования рассмотреть персональное дело коммуниста Баженова. Как вы все знаете, он недавно сорвал ответственное политическое мероприятие, можно сказать, выборы народного депутата СССР, вверенную технику разукomплектовал, солдат по его вине обморозился... Мы собирались вынести этот вопрос на следующее собрание, но раз уж он проявляет такую политическую незрелость...

Я покачал головой. Пакт о ненападении был коварно расторгнут.

Партсекретарь вновь обрёл контроль над аудиторией: - Итак, возвращаемся к голосованию по первому вопросу. Кто за исключение коммуниста Свечникова из рядов КПСС? Так, так... Товарищи, при первом голосовании вроде все были единогласно. Так... Не вижу...

Достав ручку, я размашисто написал на вложенном в книгу белом листе бумаги:

«Кабаний Суд»

*Где конкретно - уточнять не буду
да и дата тоже не важна.
Скажем так: однажды возле дуба
кабаны судили кабана.*

*Начали собрание без простоев -
на повестке был вопрос прямой:
"Сей кабан является недостойн
членом нашей Партии Свиной!"...*

- ...Так, хорошо, – доносился до меня злорадный скрип секретарского голоса. – Против есть? Вы что, против? Так... Один, два...

*Лишь один кабанчик бестолковый,
глупенький, по молодости лет,*

*усомнился: "Может быть сурово
отбирать свиной его билет?"*

Я поднял руку, другой продолжая писать:

*...Все мы тут понять его должны.
Как-никак мы тоже - кабаны."*

- Тридцать три «за», четверо «против», двое воздержавшихся. Большинство голосов товарищ Свечников исключается из рядов КПСС. Свечников, прошу вас сдать партбилет и покинуть собрание!

Начальник штаба, страшно ссутулившись и шаркая ногами, добрёл до стола президиума, бережно положил красную книжицу на сукно, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и так же по-старчески вышел из актового зала. Мне показалось, что он беззвучно плакал.

*Тут же сообща постановили:
«Кабана из партии убрать,
льгот лишить, чем дорожат все свиньи,
и билет свинячий отобрать».*

- Переходим ко второму вопросу: персональное дело коммуниста Баженова. Кто хочет выступить?

*А как молодой кабанчик служит,
охраняет свинское добро –
следует немедленно заслушать
нам его на следующем бюро.*

Вполуха воспринимая витийские бредни замполита, а потом и тяжело бухающие корявые фразы комбата, я продолжал сосредоточенно подбирать слова. Со стороны, наверное, могло показаться, что я тщательно конспектирую текст выступлений:

*...Смысла нет цитировать дословно –
грамоте учили их условно,
чётко знай лишь лозунг основной:
Слава нашей Партии Свиной!*

- ...Предлагаю объявить строгий выговор с занесением в личное дело! – донеслось до меня торжественное. Ого! С такой формулировочкой я, пожалуй, далеко-о заменюсь...

*... "Кое-кто тут недопонимает
свой свиняче-пороссячий долг.
Что такое Партия Свиная –
мы поможем взять навеки в толк!"*

Нежданная фея помощи явилась в отвратном лице Кацапенко. Я заметил, как он принялся что-то растерянно, но настойчиво втолковывать комбату, красному от натуги после слишком длинной для него речи. Секретарь, уже собиравшийся ставить вопрос на голосование, обернувшись с трибуны долго прислушивался, потом переспросил: – Так что – без занесения?

- А почему это без занесения? – крикнул с места рябой заместитель по тылу с патогномоничной фамилией Жуликов (меня до сих пор мучает вопрос, как можно назначать на столь соблазнительные должности людей с такими фамилиями?), видимо по-татарски возбудившийся от запаха свежей крови. – Тут от товарища командира хорошее предложение поступило: строгач с занесением. И поделом! За срыв-то народных выборов...

*...Никого возмездие не минет!
Не простим пред Партией вины!
Все мы тут первейшим делом Свины,
ну а только после – кабаны."*

Кацапенко всё же пришлось снова вылезать на трибуну. На его лицемерную физиономию было противно смотреть. Я и не смотрел.

- Понимаете ли, товарищи, тут вопрос политический! Коммунист Баженов безусловно заслуживает серьёзного взыскания, и мы найдём способ ему наложить в его же личных воспитательных целях. Но вы поймите, о выговоре с занесением, да ещё по политической линии, мне полагается в парткомиссию армии докладывать. А как я доложу с такой формулировкой? Ведь об успешных выборах мы уже отрапортовали!

По залу прокатился недовольно-разочарованный ропот, однако прежнего энтузиазма в нём уже не было – народец подустал. Наверное, всем этим упырям всё же стоило бы поведать, кто они такие, но я вдруг тоже почувствовал в душе опустошающее ледяное равнодушие. Вдобавок, я был занят важным делом:

*...Но суть басни все-таки не в этом.
Тот кабан, обильно слезы лья,
вместе со свинячим партбилетом
распростился с именем Свинья...*

- Товарищ Баженов, единогласным решением партийного собрания за порчу вверенного военного имущества и халатность, приведшую к обморожению личного состава, вам выносятся выговор. Без занесения в личное дело.

Формулировка тотчас воскресила в памяти образы выданных нам монголами живописных халатов, и я невольно улыбнулся.

- Он ещё улыбается! – мрачно процедил комбат. – Ну, ничего – скоро мы тебя навсегда отучим улыбаться.

В ответ я ослабил ещё лучезарнее, но тут же торопливо опустил голову, чтобы дописать заключительные строки:

*А кабанчик, хоть и попытался
хрюкнуть робко на свинячий строй,
все же с облегчением остался
он официальной Свиньёй.*

- Легко отделался! – дружелюбно хлопнул меня кто-то по плечу. Я поставил точку, встал и потянулся. По крайней мере, время на собрании прошло не даром.

Эпилог

Как я и предполагал, несмотря на все мои происки, победу на всенародных выборах убедительно одержал Константин Устинович Черненко. В больнице (незадолго до его кончины 10 марта 1985 года) ему было вручено удостоверение об избрании народным депутатом СССР.

10-го же марта из Улан-Батора в нашу часть прибыл особист – уполномоченный особого отдела 5-й армии майор какой-то там. О том, что он явился по мою душу, мне шепнули всего два человека, хотя за несколько дней он успел побеседовать практически с каждым, включая моих самых закадычных корешей. Впрочем, я и сам уже прекрасно видел, что круг сжимается именно вокруг меня.

Сказать по правде, нервничал я всё сильнее, поскольку грехов за собой чувствовал немало, а о том, с какой задачей прибыл майор, что он мог знать, и что могли ему наговорить мои недруги и тем паче друзья, оставалось для меня неведомым. Каюсь, я провёл пару бессонных ночей в липком поту, старательно проигрывая в уме различные варианты развития событий.

В конце концов, рассвирепев на самого себя, я логическим путём заставил эмоции успокоиться, тем более что в тюрьму сажать меня вроде было не за что, ссылать дальше уже некуда, заменить в тёплые места я давно не надеялся, а значит всё, что они могли – это взять меня на испуг. Но меня бесила собственная затравленность, тем более что именно на это особист, скорее всего, и рассчитывал.

Я попытался заранее аккуратно разузнать, что представляет собой эта птица, и с некоторым облегчением выяснил, что он заканчивал Новосибирское училище КГБ, куда набирали в основном служак из войск, которых потом назад в армейские особые отделы и отправляли. Выдающимися умственными способностями они в массе своей не отличались, хотя с другой стороны подобные чинуши ради карьеры были способны рыть землю с ретивостью, достойной заводного экскаватора. С таким не стоило играть в тонкие игры, и тем более идти на конфронтацию, а следовало просто тупо косить под дурака.

Последовавшее наконец приглашение на беседу я воспринял словно вызов в кабинет зубного врача после мучительного ожидания в приёмной

– страстно желая, чтобы всё поскорее закончилось, и в то же время с тайной детской надеждой, что вдруг пронесёт и приёма не будет...

В кабинет замполита, освобождённый для такой важной цели, я вошёл с беззаботной улыбкой, сделавшей бы честь любому идиоту из рекламы американского фондового рынка.

Особист хмуро восседал за столом, не сделав даже попытки поприветствовать меня, что само по себе весьма обрадовало – значит, разговор пойдёт сразу о деле. Дождавшись, когда я без приглашения усядусь на стул, он исподлобья взглянул на меня и резко передвинул ко мне лежащий перед ним лист бумаги, заранее развёрнутый вверх ногами.

Майор решил сразу взять быка за рога, видимо предварительно выяснив, кто я по гороскопу и личному делу. К счастью, его интеллект был не в состоянии вместить в себя то, что не всякий телец – бык, готовый к заклятию. Тем не менее сердце моё непроизвольно ёкнуло, когда я сразу же углядел на листе хорошо знакомые строки:

*"...Сей кабан являться недостоин
Членом нашей Партии Свиной!"*

Стараясь не торопиться, я небрежно придвинул лист поближе, но тут же с облегчением понял, что почерк, хотя и старательно симитированный, однако всё же не мой. Как это ни странно, во мне возникали очень разноречивые чувства, когда я взирал на собственные вирши, переписанные неловкими печатными буквами чьей-то тщательной рукой:

*...В осужденьи все единодушны,
все клеймят позором кабана:
"Мы живем семьей свиною дружной,
Но не без уродов и она!"*

С одной стороны меня распирала глуповатая гордость общественного признания, но с другой – я отлично понимал, что подтверди я сейчас тщеславно свои авторские права, из этой комнаты мне, скорее всего, свободным уже не выйти...

Интересно, какая же сука почти наизусть это воспроизвела? Впрочем, может и не сука. Ведь читал своим, да и не только, много раз по пьяни. Кто-то мог и записать для себя, для знакомых. Хорошо хоть автограф не попросили – а ведь я бы мог и расписаться, дурак!...

*...В простодушном ли недоуменьи
иль коварный умысел тая,
он спросил: "А есть ли тут меж всеми
хоть одна непьющая свинья?"*

Вдоволь налюбовавшись, я наконец поднял на майора невинные глаза: – Интересно! А у вас это откуда? Я вот думаю, это за границей было написано.

Он опешил: – Почему за границей?!

Я с глубокомысленным видом пожевал губами и уверенно изрёк: – Акцент не нашенский! Чувствуется злобно-империалистический оскал. Клевещут гады!

Особист недоверчиво уставился на меня потом снова на текст. – А что, почерк разве не ваш?

Я с искренней лёгкостью засмеялся: – Ну что вы, товарищ майор! Почерк, конечно же, не мой, – и со значением тихо добавил: – Почерк – вражеский.

– А ну ка! – он вдруг засуетился, не желая признавать поражения. – Берите ручку. Вот бумага. Берите, берите! И пишите:

*Тут поднялся визг невыносимый:
"Да за это следует спросить!
Мы тебе с партийным стажем свиньи,
а не рядовые поросята!..."*

Я неторопливо взял ручку, придвинул к себе белый лист и преданно застыл, глядя на майора. Он продолжал возбуждённо топтаться с другой стороны стола: – Написали? Дальше пишите... Почему не пишете? Пишите!

Мне вдруг наскучила эта глупейшая комедия. Я отложил ручку и зевнул:

– Знаете, что я вам скажу, товарищ майор? Дешёвыми приёмчиками пользуетесь – взял да ломай... Плохо вас учили психологии в этом вашем Новосибирском. Вы что же, всерьёз решили, что я своими руками вам сейчас сам на себя компромат настрою?

Несколько секунд он яростно буравил меня глазами. – Вот же вражина!... – наконец с чувством прошептал он. – Выборы народного депутата СССР сорвал, солдата обморозил, антисоветчину всякую пишет – и ещё не сознаётся! Отчество у тебя какое-то не нашенское... – добавил он задумчиво ни к селу, ни к городу. – А написал это ты, ты! – я же знаю! Его, видишь ли, пожалели – выговор даже без занесения объявили! А ведь это из-за таких как ты у нас в армии творится такое!...

Во мне медленно начало закипать тихое бешенство. Я встал, изо всех сил стараясь удержать в карманах стиснутые кулаки:

– То, в чём виноват – я знаю сам. И в своё личное дело что надо, то уже сам и занёс. А вот в армии у нас творится такое потому, что орудут безнаказанно тут всякие уроды, которые даже солдатские портянки да бензин за тугрики распродают!...

Он бросился за мной к двери и зачастил: – Ну так вот ты и расскажи: кто, чего? Мы же с тобой и не поговорили толком! У меня к тебе ещё много вопросов есть, об офицерах некоторых, о прапорщиках...

Я остановился. – А обо мне лично у вас больше вопросов нет? Никак нет! Тогда – здоровья желаю. У меня – согласно Уставу – началось священное личное время для подготовки к заступлению в наряд.

Очень хотелось смачно шарахнуть дверью, но он что-то зашипел мне вслед и, невольно прислушиваясь, я хлопнуть не сумел, тем более что

последняя фраза в спину окончательно смазала моё настроение:
- ...Заменишься ты мне, паскудник, с крыши на чердак!...

Впрочем, на это счёт я и так уже не тешил себя никакими иллюзиями.

За углом, шатаемый продувным ветром меня поджидал прапорщик Прыщук. Он ловко пристроился к моему быстрому шагу, и некоторое время шёл сбоку, тревожно пытаюсь заглянуть в лицо.

- Ну, что, побеседовали? – наконец не выдержал он. – Чего майор спрашивал? Самогонщиками не интересовался?

Мне вдруг вспомнился кинофильм «Осенний марафон», и я остановился. – Интересовался, – со значением заверил я, строго глядя на Прыщука. Глаза у того сразу забегали:

- И-и... что? Спрашивал, небось, кто солдатам продаёт?

- Нет, – веско ответил я. – Всё это он и так знает. И кто, и почём, и сколько.

- Тогда... чего? Чего-то ещё спрашивал?

- Спрашивал, – зловредно подтвердил я. – Выяснял, кто на апельсиновых корочках экономит. Травит, мол, советских офицеров плохо очищенной самогонкой!

- Так оно-ж... – растерянно заволновался Прыщук, – Корочки – они-ж только для высшего командного состава! На всех разве-ж напасёшься, корочек?!

- Вот не знаю, – сурово покачал я головой. – Но спрашивал.

- А ты чего-ж?

- Пришлось... – я сделал паузу. – Пришлось взять грех на душу и под присягой заявить, что жена прапорщика Прыщука такого себе никогда не позволяет. Самогонка – лучшая на жилзоне, выдвинута инициативной группой офицеров на соискание батальонного знака качества...

- Та ну! – польщённо закудахтал прапор. – Скажешь тоже – лучшая! Была б лучшая – давно на «Жигуль» собрали бы... Но неплоха, неплоха! По совести говорю! Слышь-ка, пойдём, жинку мою порадуем. А у нас там и бутылёк на корочках найдётся – для хорошего человека не жалко. И особисту надо б «галлончик» занести, раз такое дело, не знаешь, где он остановился?...

Помедлив, я круто развернулся и, непроизвольно убыстряя шаг, зашагал в направлении до отвращения знакомого перекошенного подъезда Прыщука.

«Когда же я наконец заменюсь отсюда? – с пронизывающей тоскою безвольно подумалось мне. – Куда угодно, только бы успеть, пока ещё совсем не окончательно спился...» ■